

ЕКАТЕРИНА КУЗНЕЦОВА (Нарва),
МЕХМЕД МУСЛИМОВ (Санкт-Петербург),
ФЕДОР РОЖАНСКИЙ (Тарту—Санкт-Петербург)

ПЕРЕВОДЫ «ОТЧЕ НАШ» НА ВОДСКИЙ ЯЗЫК: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВАРИАТИВНОСТИ

Abstract. Translations of Lord's Prayer into Votic: A Linguistic Analysis of Variation

This article analyses several translations of the *Pater Noster* prayer to the Votic language. The translations were done in different time periods and into different Votic varieties. The paper provides a detailed comparison of phonetic, morphological and syntactic features in six variants of the translation and discusses the decisions made by the translators. Special attention is paid to justification of a particular decision from the point of view of Votic dialectal variation. The paper reveals the factors that influence the choice of the wording in each particular variant of translation. The main factors are as follows: the variety into which the translation was made, the source text of the prayer, the translator's individual preferences, the mistakes made during translation or transcribing, and the strategies chosen by the translator when there is no obvious translation equivalent.

Keywords: Votic, translations, variation, dialectology, Lord's Prayer.

1. Предварительные замечания

Ценность параллельных текстов — незаменимого источника для изучения вариативности — была понятна исследователям водского уже давно: в 1932 году Л. Кеттунен и Л. Пости опубликовали коллекцию образцов водской речи, где ряд текстов из центральноводских деревень был приведен параллельно с их переводом на кракольский говор западноводского диалекта (этот перевод сделал водский лингвист Дмитрий Цветков, см. Kettunen, Posti 1932). Тем не менее, исследований, где бы производился детальный анализ параллельных водских текстов, не существует. Обращение к теме параллельных текстов произвела Т. Б. Агранат: в ее работе (Агранат 2005) молитва «Отче наш», записанная от носительницы водского языка Т. Ф. Прокопенко, была опубликована вместе с переводом, известным по публикации О. А. Ф. Мустонена (Mustonen 1883). К сожалению, сопоставительный анализ этих переводов свелся к упоминанию

© 2022 the Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

лишь двух явлений: наличия в переводе XIX века притяжательных аффиксов, отсутствующих в переводе XXI века, и замены синтетической формы юссива на аналитическую конструкцию.

В данной статье мы предпринимаем попытку сопоставительного анализа переводов молитвы «Отче наш» на водский язык. Анализ переводов религиозных текстов на бесписьменный язык представляет особый интерес, поскольку в бесписьменных языках часто нет точных и/или устоявшихся переводных эквивалентов для многих понятий, специфичных для данного жанра (эта проблема существует и в языках с письменной традицией, но все же обычно она стоит не так остро).¹ Соответственно, переводчику приходится решать непростые задачи по подбору лексики, форм, конструкций, являясь своего рода первопроходцем, нередко развивающим не только лексический состав, но и грамматику языка (см., например, Цыпанов 2004 : 189).

Целью данной статьи является детальное сопоставление водских переводов «Отче наш» на различных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. Особое внимание уделяется междиалектной вариативности и уместности принятых переводчиками решений с точки зрения водской диалектологии.

В силу этой задачи мы не рассматриваем в деталях перевод «Отче наш» на кривинский диалект водского языка. Данный перевод сохранился среди прочих фрагментов этого диалекта, вымершего в середине XIX века (всего известно немногим более ста кривинских предложений, дошедших до нашего времени). Исходная запись этого перевода неточна, что потребовало его реконструкции. Такая реконструкция была проведена в работах Wiedemann 1871 : 65, 96; Ernits 1997; Winkler 1997 : 396—399. В двух последних из указанных публикаций реконструкция сопровождалась анализом реконструируемого текста. Поскольку имеющиеся данные по кривинскому диалекту очень скудны, мы не имеем возможности ни определить, какой арсенал лексических и грамматических средств был в распоряжении переводчика, ни оценить удачность или неудачность принятых переводчиком решений с точки зрения водской диалектологии, ни сделать существенные дополнения к проведенному ранее анализу этого перевода. Однако поскольку этот перевод оказал влияние на последующие переводы, в разделе 3 приводится один из вариантов реконструкции.

В статье рассматриваются все остальные известные авторам переводы «Отче наш» на водский язык. Таковых переводов шесть, причем один из них представлен в трех вариантах. Эти переводы различаются по самым разным параметрам: времени перевода, диалектной принадлежности и пр. (подробности приведены в разделе 2), что позволяет увидеть, насколько широким оказывается спектр принимаемых переводчиками решений, даже если разговор идет о переводе на язык, не имеющий письменности и, соответственно, литературной традиции.

Структура статьи следующая. В разделе 2 описываются используемые данные и приводится необходимая информация о водских диалектах. В разделе 3 содержатся сами переводы «Отче наш» на водский

¹ За рамками данной статьи мы оставляем обсуждение ценности религиозных текстов как уникального лингвистического материала, часто являющегося наиболее ранним свидетельством о языке. Среди недавних исследований по финно-угорским языкам на базе религиозных текстов следует отметить Inaba 2015 и Lees 2015.

язык, и дается подробный анализ всех наблюдаемых между ними различий. В разделе 4 проводится обобщение сделанных наблюдений и формулируются выводы.

2. Данные

Как уже было отмечено выше, в качестве объекта исследования в статье выступают шесть вариантов молитвы «Отче Наш» на водском языке.

Перечислим эти варианты.

(1) Вариант, опубликованный финским исследователем О. А. Ф. Мустоненом в 1883 году (Mustonen 1883: 156). В этой публикации водских текстов О. А. Ф. Мустонен, в частности, приводит перевод на кракольский говор пяти глав из Евангелия от Матфея (со второй по шестую), где и встречается рассматриваемая нами молитва. Информация о том, кто делал перевод и с какого оригинала, отсутствует. Далее этот вариант обозначается MUST.

У нас нет однозначного ответа на вопрос о том, с какого языка был сделан перевод, опубликованный О. А. Ф. Мустоненом. В Агранат 2005 : 6 утверждается, что этот перевод был выполнен с русского языка. Это утверждение представляется нам очень сомнительным. Хотя в XIX веке уже появился Синодальный перевод Библии, в церковных службах Русской православной церкви использовался (и до сих пор используется) в основном церковнославянский, а не русский язык. В этом контексте не очень содержательным выглядит упоминаемое Т. Б. Агранат высказывание А. Альквиста, что для води русский является языком церкви: для финского исследователя разница между русским и церковнославянским вряд ли была существенна, хотя эти языки и относятся к разным группам славянских языков. Поэтому предположение, что водский переводчик в XIX веке использует именно русский, а не церковнославянский оригинал, выглядит странно и может быть отброшено.

Более сложным является вопрос, являлся ли языком оригинала, с которого делался перевод, церковнославянский или финский. Утверждая, что перевод был сделан с русского языка, Т. Б. Агранат приводит аргументы, что водь была православной и что в переводе Евангелия использованы русские заимствования *verbluud* 'верблюд', *prorokka* 'пророк' и *goveittama* 'поститься'. Православие води здесь является слабым аргументом, поскольку мы не знаем, кем и как именно выполнялся данный перевод: был ли его автор сам водью или же, например, изучил водский язык и/или привлекал представителей води как консультантов. Что касается приводимых Т. Б. Агранат заимствований, то они тем более не являются убедительным аргументом в пользу того, что перевод был сделан не с финского языка. В водском языке нет привычных альтернативных слов, которые могли бы быть использованы для перевода русских слов 'верблюд', 'пророк' и 'поститься', поэтому использование указанных заимствований — наиболее естественное решение переводчика. Доказательством «славянского» оригинала могло бы быть использование в переводе слов, которые были бы калькированы из этого оригинала при существовании в языке более привычного синонима. Но ни *verbluud*, ни *prorokka* такого синонима в водском языке не имеют. Оба этих слова были зафиксированы не только в переводе Мустонена (VKS 964, 1511), то

есть не могут считаться калькой, существующей лишь в данном переводе. Формы же от русского слова «говеть» отсутствуют и в церковнославянском, и в русском текстах переведенных О. А. Ф. Мустоненом евангельских глав (там используются формы глагола «поститься»), то есть тут наблюдается очевидное отсутствие калькирования, что является скорее аргументом против гипотезы Т. Б. Агранат.

Заметим, что определение оригинала для перевода Мустонена является интересной задачей, которая требует тщательного анализа всех глав перевода. Но поскольку такой анализ выходит за рамки данной статьи, посвященной разбору только одной молитвы, мы не будем больше останавливаться на этом вопросе.

(2) Вариант, опубликованный финским исследователем Августом Альквистом — автором первой водской грамматики (Ahlqvist 1856). Перевод «Отче наш» опубликован в приложении к книге «Uusi suomalainen lukemisto» (1883 : 228) среди других переводов этой молитвы на разные прибалтийско-финские языки (вепский, эстонский, ливский и пр.). Еще раньше этот текст был опубликован в 1870 году в двух изданиях. Это Образцы 1870 : 32, где отмечается «сообщено г. профессоромъ Альквистомъ въ Гельсингфорсѣ», и Dalton 1870 : 65, где указан тот же источник текста. Информация о том, кто делал перевод, в какое время и с какого оригинала, отсутствует. По своим фонетическим признакам соответствует центральноводскому диалекту.² Далее обозначается AHLQ.

(3) Вариант, опубликованный в Heinsoo 2015 : 74. Этот перевод Х. Хейнсоо сделала на основе варианта А. Альквиста, адаптировав его к песоцко-лужицкому говору. Далее обозначается HEIN. В Heinsoo 2016 : 43 был опубликован тот же вариант перевода с несколько измененной транскрипцией (аффриката *tš* обозначалась как *č*) и одной исправленной неточностью.

(4) Перевод на центральноводский диалект, выполненный Е. П. Кузнецовой в 2002 году. Ранее этот вариант не публиковался. Далее обозначается KUZN.

(5) Перевод, сделанный лютеранским пастором Арво Сурво. Первый вариант этого перевода (Tervonen 2009 : 8—9) был существенно доработан, и новая версия представлена в Vuoristo 2021, и ранее в виде поста в социальной сети Фейсбук, где он объявлен относящимся к котельскому (то есть центральноводскому) диалекту (Survo 2017). По всей видимости, это единственный вариант «Отче наш» на водском языке, который использовался в церковных службах.³ Далее обозначается SURV.

(6) Вариант записанный в 2003 году Т. Б. Агранат от носительницы песоцко-лужицкого говора Татьяны Федоровны Прокопенко (родилась в д. Пески в 1935 году). Этот вариант был опубликован в статье Агранат 2005 : 8. Далее обозначается PRO-A.

² В данной статье мы исходим из системы диалектного членения водского языка, содержащей четыре диалекта: (а) кривинский, (б) восточноводский, (в) центральноводский, и (г) западноводский (деревни Лужицы, Пески, Краколье и Межники). Последние два ранее объединяли в один западноводский диалект. Идиом деревни Куровицы, прежде считавшийся водским диалектом, мы рассматриваем, как смешанный водско-ижорский язык, и не включаем его в число собственно водских диалектов.

³ Это происходило несколько раз (в Кикерицах, в Нарве, в Губаницах, в Таллинне и в Кейла) начиная с 2012 года.

(7) Вариант перевода Татьяны Федоровны Прокопенко, записанный от нее на диктофон Ф. И. Рожанским 20 октября 2003 года. Ранее не публиковался. Далее обозначается PRO-R.

(8) Вариант перевода Татьяны Федоровны Прокопенко, который она озвучивает в документальном фильме «... ja päästa meid ära kurjast» (Arukask, Raudalainen, Västriк, Lauri 2004). Транскрипционная запись была осуществлена авторами статьи. Далее обозначается PRO-V.

Обозначение PRO используется в тех случаях, когда подразумеваются все три варианта перевода Т. Ф. Прокопенко.

Таким образом, среди рассматриваемых шести вариантов два относятся к XIX веку, а четыре к XXI. Три варианта (AHLQ, KUZN и SURV) представляют центральноводский диалект, и три — западноводский. Среди последних MUST относится к кракольскому говору, а HEIN и PRO к песоцко-лужицкому говору.⁴ Перечисленные характеристики переводов компактно представлены в таблице 1.

Следует сделать несколько замечаний по поводу системы записи материала.

В переводах мы сохраняем оригинальную систему записи. Несовпадение транскрипций наблюдается в следующих моментах:

— О. А. Ф. Мустонен и А. Альквист записывают аффрикату *tš* как *t*, А. Сурво как *s*, а Т. Б. Агранат как *č*;

— система записи редуцированных гласных различается у разных авторов (см. раздел 3);

— система записи дифтонгов со вторым компонентом *i* (*j*) отличается в PRO-A от остальных вариантов;

— во всех примерах в статье *ы*-образный гласный среднего ряда среднего подъема обозначается как *õ*, кроме перевода А. Сурво, где соответствующий гласных обозначен как *ô*;

— в примерах долгие гласные обозначаются двойной литерой, а не диакритическим знаком долготы (то есть как *oo*, а не *ō*), но написание с диакритическим знаком сохраняется в приводимых в статье примерах из Tsvetkov 1995;

Таблица 1

Основные характеристики переводов «Отче наш» на водский язык

Вариант	Век	Диалект (говор)	Автор перевода	Автор текстовой записи
MUST	19	Западноводский (кракольский)	не известен	О. А. Ф. Мустонен
AHLQ	19	Центральноводский	не известен	А. Альквист
HEIN	21	Западноводский (песоцко-лужицкий)	Х. Хейнсоо	Х. Хейнсоо
KUZN	21	Центральноводский	Е. П. Кузнецова	Е. П. Кузнецова
SURV	21	Центральноводский	А. Сурво	А. Сурво
PRO-A	21	Западноводский (песоцко-лужицкий)	Т. Ф. Прокопенко	Т. Б. Агранат
PRO-R	21	Западноводский (песоцко-лужицкий)	Т. Ф. Прокопенко	Ф. И. Рожанский
PRO-V	21	Западноводский (песоцко-лужицкий)	Т. Ф. Прокопенко	авторы данной статьи

⁴ Близлежащие деревни Лужицы и Пески были в 1970-х годах объединены в одну деревню Лужицы (Эрнитс 2006 : 1). Говор этих двух деревень мы называем песоцко-лужицким.

— в переводе А. Сурво продление гласных обозначается знаком аксана эю (*é*) или, если символ, обозначающий гласный, уже содержит диакритику, апострофом (*ä'*);

— сильные (геминированные) согласные обозначаются двойной литерой, но в примерах из Tsvetkov 1995 мы сохраняем для конечных согласных их написание с диакритическим знаком долготы;

— у палатализованной геминаты в KUZN значок палатализации ставится после каждого компонента геминаты (*medd'ee*), а в SURV только после второго (*medd'é*);

Для оценки встречаемости рассматриваемых явлений в водском языке мы используем следующие источники:

1. Словари:

— VKS, содержащий материал разных водских диалектов и разных временных срезов;

— Tsvetkov 1995, написанный в 1920-х годах на материале кракольского говора.

2. Коллекции текстов:

— корпус водского языка (Murdekorpus 2021), в котором представлены материалы по разным водским диалектам из книг (Adler 1968; Ariste 1974; 1977), а также материалы, собранные Х. Хейнсоо в западноводских деревнях в 1990-х годах;

— водские тексты центральноводского диалекта и их переводы на кракольский говор западноводского диалекта из книги Kettunen, Posti 1932;

— западноводские тексты (кракольский и песоцко-лужицкий говоры) из Маркус, Рожанский 2017;

— собственные полевые записи из западноводских деревень Краколье и Лужицы.

Используя далее выражение «современный водский язык», мы подразумеваем западноводские говоры XXI века.

3. Анализ

3.1. Варианты переводов

В таблицах 2, 3 и 4 приводятся анализируемые в данной работе тексты, а также реконструкция перевода «Отче наш» на кривинский диалект водского языка, сделанная Э. Эрнитсом (далее обозначается: KREV-ERN).⁵ Для удобства текст молитвы разбит на клаузы. Это разбиение основано исключительно на удобстве организации материала и не подразумевает жесткой корреляции с какими-либо синтаксическими параметрами. В вариантах MUST, ANHQ, HEIN, SURV и KREV-ERN содержится по 12 клауз, а в KUZN и PRO по 11, поскольку в них отсутствует славо-слово 'Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь'. Каждый фрагмент последующего анализа имеет индекс, состоящий из двух чисел: первое число обозначает клаузу, о которой идет речь, второе число обозначает номер фрагмента анализа (разбиение на фрагменты производится по смысловому принципу, чтобы по мере возможности не смешивать друг с другом различные проблемы и феномены).

⁵ Поскольку в данной статье кривинский перевод «Отче наш» не анализируется, мы приводим лишь один вариант реконструкции.

Таблица 2

Переводы «Отче наш» на водский язык
О. А. Ф. Мустонена, А. Альквиста и Х. Хейнсоо

	MUST	AHLQ	HEIN
1	Med'je isä,	Izä med'ee,	Isä meije,
2	ten õõt taivaaza,	kumpa õlet taivaiza;	kumpõ õöd taivaiz,
3	õlkoo siunattu sinu nimes.	pühättü õlkoo nimes sinuu;	pühättü õlko sinu nimi,
4	Sinu riikki tulkoo tüve,	liiti-tulkoo sinuu valtas;	litši tulko sinu valta.
5	süntükoo sinu tahtos	õlkoo sinuu tahtos	Õlko sinu tahto
6	nii taivaaza kui maa päälä.	nii maaza kui taivaiza;	nii maaz kui taivaz.
7	Med'je jõkapäiväne leipä anna meile tänänä.	anna meile tänänne med'ee õkapäivädnee leipäni	Annõ meille leipä süümä vartõ
8	Ja anna antõõssi meile med'je võlgat,	ja anna meile med'ee vëlkani anteehsi	i annõ meille meije võlgõd antõssi
9	nii kui mõõ antõõssi annamma võlkamehile.	kui i mõõ anteehsi annamma med'ee vëlgaliisile;	kui müü antõssi annõmmõ meije võlgalisillõ
10	Ja elä saata meitä tjusahuhsõõ,	ja älä saata meitä manituhseese;	i elä saata meite manitussõõ,
11	pää(s)sä meitä pahassa,	a päässä meitä pahassa;	a pääsä meite pahassõõ.
12	siittä sinu jäezä on riikki ja väti ja kunnia iṭisessi. Amin.	kui sinuu on valta ja võima ja slaava, igää kõikee.	Kui sinu on valtõ i võimõ i slaavõ itšä kõikki.

Таблица 3

Переводы «Отче наш» на водский язык Е. П. Кузнецовой и А. Сурво и реконструкция кривинского перевода, сделанная Э. Эрнитсом

	KUZUN	KREV-ERN	SURV
1	Med'd'ee isä	Med'd'e isä	Medd'é Taattamõ,
2	taivaaz!	taivaaz!	Taivaiza
3	Õlkoo pühä sinuu Nimi.	vät/väät ku(?) õlka siu sõna!	pühättü õlkoo Sinú nimezi,
4	Tulkoo med'd'ee tüvee Sinuu Riikki.	Tulõb med'd'e tüve siu riikki!	saakoo ikoriikkizi,
5	Sinuu meeli (tahto) süntügoo	Siu meeli süntüga(?)	süntügoo kõik tahtozi mukkaa,
6	kui taivaaz ni kaaz maa päällä.	kui taivaaz nii kas maa päälä/päällä!	maallaci, taivaizaci.
7	Med'd'ee armoleipä anna meilee tänävä (tänapää).	Med'd'e armo-leipä/ armu-leipä anna meile tänävä.	Anna meilé tänävä ikapäiväine leipä'me
8	Jätä med'd'ee võlgõd (sünnid)	Jätä med'd'e patuD.	ja anna meilé pattumõ antõõhsi,

Таблица 3 (продолжение)

	KUZN	KREV-ERN	SURV
9	kui müü jätämmä töisiilõd.	kui me/mö/möd jätäm õmilõ ne(?)... se(?)... meelijad(?)	niku mööci antõõhs-annamma neilé, ced ovad vassaamõ pahaa tehñü.
10	Elä saata meitä kurjaasõd	Elä siä(?) meitä kurja saat/saata	Eläka jätä meitä ciuzoohsõd,
11	mutta võta se kurja meissä vällää.	Se on võt/võta se kurja muissa ärä	vaitõz pääsä meit pahassa!
12		Jo siulõ kõlpap siu riikki, siu api un siu üvi-üvi/üvüz. Se on se, se on se. Amen!	Siittä Sinú õmazi on ikoriikki, ramoci, kunniaci. Aamin.

Таблица 4

Переводы «Отче наш» на водский язык Т. Ф. Прокопенко

	PRO-A	PRO-R	PRO-V
1	Meje tajva tattë	Meije taiva taattë	Meije taiva taattë
2	elät tajvas	eläd taivõz,	eläd taivaz,
3	лаа pajsep sinu nimi,	лаа paisõb sinu nimi,	лаа paisõb sinu nimi,
5	лаа teçemüs' on sinu tahtomus	лаа tetšemüz on sinu tahtomuz	лаа tetšemüz on sinu tahtomuz
4	i toop sinu царствие	i toob sinu tsarstvije	i toob tsarstvije sinu
6	maa päl', niku i tajvas.	maa päällä niku taivaz.	maa päällä niku taivaz.
7	Anna mejle leipä sümä vartë	Annë meilë leipä süümä vartë	Annë meilë leipä süümä vartë
8	i prosti mejle meje võlgõt	i prosti meilë meije võlgõd	prosti meilë võlgõd
9	kuj mü prostimmë meje võlkõjnimisile.	kui müü prostimmë meije võlkë-inimisillë.	kui müü prostimmë õmilë võlkë-inimisillë.
10	Võta mejtë pojsõ ot iskušenia	Võta meiltë poiz ... Võta meitë poiz ot iskušeniä	Võta meiltë poiz iskušenie
11	i õõ meje poolas paganusessë.	i õõ meije poolõz paganusõssë.	i õõ meije poolõssë paganusõssë.

Обратим внимание, что в вариантах PRO последовательность клауз 4 и 5 отличается от других вариантов.

Чтобы облегчить понимание дальнейшего анализа, в таблице 5 мы приводим варианты рассматриваемой молитвы с аналогичным разбиением на клаузы на трех языках: финском (в версии Евангелическо-лютеранской церкви), церковнославянском (в версии, используемой сейчас в богослужении Русской православной церкви) и русском (Синодальный перевод 1860 года в послереформенной орфографии).

Таблица 5

**Переводы «Отче наш»
на финский, церковнославянский и русский языки**

	Финский	Церковнославянский	Русский
1	Isä meidän,	О҃҃҃че на́шь,	Отче наш,
2	joka olet taivaissa	ѡ҃же еси́ на нѣбѣхъ,	сущий на небесах!
3	Pyhitetty olkoon sinun nimesi.	да сѣ́титса ѡ́ма твоѣ,	да святится имя Твое;
4	Tulkoon sinun valtakuntasi.	да прѣ́идеть црѣ́ствіе твоѣ:	да приидет Царствие Твое;
5	Tapahtukoon sinun tahtosi,	да бѣ́детъ во́ла твоѡ́,	да будет воля Твоя
6	myös maan päällä niin kuin taivaassa.	ѡ́ко на нѣси, ѡ́ на землѣ.	и на земле, как на небе;
7	Anna meille tänä päivänä meidän jokapäiväinen leipämme.	Хлѣ́бъ на́шь насущный да́ждь на́мъ днѣсь:	хлеб наш насущный дай нам на сей день;
8	Ja anna meille meidän syntimme anteeksi,	ѡ́ ѡ́ста́ви на́мъ до́лги на́ша,	и прости нам долги наши,
9	niin kuin mekin anteeksi annamme niille, jotka ovat meitä vastaan rikkoneet.	ѡ́кѡже ѡ́ мы ѡ́става́емъ до́лжникѡ́мъ на́шимъ:	как и мы прощаем должникам нашим;
10	Äläkä saata meitä kiusaukseen,	ѡ́ не введи́ на́съ во ѡ́скѡ́шеніе,	и не введи нас в искушение,
11	vaan päästä meidät pahasta.	но ѡ́збави́ на́съ ѡ́ лѡ́каваго,	но избавь нас от лукавого.
12	Sillä sinun on valtakunta ja voima ja kunnia iankaikkisesti. Aamen.	ѡ́кѡ твоѣ́ е́сть црѣ́ствіе ѡ́ сила ѡ́ сла́ва во вѣ́ки, а́минь.	Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

3.2. Различия между переводами

(1.1) Лексема «отец»

В водском языке есть два основных слова со значением 'отец' — это *isä* (в MUST, AHLQ, HEIN, KUZN) и *taattâ* (в остальных переводах). Первое из них отмечалось во всех водских диалектах (VKS 298), второе же зафиксировано только в западноводском диалекте (VKS 1251). В современном водском языке доминирует второе из этих слов. Так, например, в коллекции текстов из Маркус, Рожанский 2017 формы слова *isä* встречаются 2 раза, а слова *taattâ* — 13 раз. Т. Ф. Прокопенко считала слово *isä* финским, хотя признавала, что оно используется и сама употребляла его. «*Isä* — это тоже по-фински. Ну, некоторые говорили. *minu isä* ... говорили! Потому что у нас же это, эстонское, финское все перепутано. Говорили! Я вот, я помню, что в нашей бабушкиной семье все *taattâ* говорили, *meije taattâ*» (Запись md019 от 16.10.2005 из коллекции Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус). Приведенная цитата, а так-

же фиксация этого слова в словаре (Tsvetkov 1995 : 335) позволяют утверждать, что данное слово не является инновацией.

Краткий гласный *a* в переводе PRO-A (*tattə* вместо *taattə*), по всей видимости, следует считать ошибкой записи.

Почему в AHLQ использована запись *izä*, а не *isä*, нам непонятно. Этот же вариант указан в грамматике (Ahlqvist 1856 : 125). При этом согласный *z* в форме номинатива единственного числа не отмечен в каких-либо других источниках (VKS 298).

В SURV слово «отец» содержит посессивный показатель: *Taatta-mô⁶* [отец-р1рL], см. (1.2). В этой форме конечный гласный основы не редуцирован, что соответствует центральноводскому диалекту, хотя сама лексема отмечена лишь в западноводском диалекте.

(1.2) Посессивные показатели

Посессивные показатели в современном водском не сохранились. Они описываются в грамматике Ahlqvist 1856 : 46—47, но уже никак не упоминаются в грамматике Tsvetkov 2008, написанной в начале XX века. В грамматике Ariste 1968 : 56—58 появление посессивных суффиксов описывается как эпизодическое. А. Альквист отмечает следующие показатели: *-ni* ~ *-n* (1 лицо единственного числа), *-si* ~ *-s* (2 лицо единственного числа), *-sä/-sa* (3 лицо обоих чисел) и *-nö/-no* (2 лицо множественного числа). Для 1 лица множественного числа, по утверждению А. Альквиста, используется показатель 1 лица единственного числа, однако в приведенных примерах мы встречаем только вариант *-ni*, но не сокращенный вариант *-n*. П. Аристе отмечает показатель *-ni* ~ *-n* для 1 лица единственного числа, но только первый из этих вариантов указан для множественного числа. Во 2 лице единственного числа показатель *-zi* или *-z*,⁷ а во множественном числе он такой же, как у А. Альквиста. В 3 лице в обоих числах показатели одинаковые: *-za/-zä*, *-z* или удлинение гласного.

Примечательно, что в AHLQ мы встречаем пять слов, оформленных посессивными показателями (см. Таблицу 6), в MUST только два из них (*nimes* и *tahtos*), а в SURV таких слов восемь. Это позволяет сделать предположение, что в момент, когда был записан перевод MUST, посессивные показатели в кракольском говоре уже были в процессе отмирания и вскоре исчезли окончательно. В центральноводских говорах они сохранялись дольше, о чем свидетельствует грамматика Ariste 1968. В SURV предпринимается попытка архаизации языка: в Survo 2017 отмечено, что перевод «с притяжательными суффиксами — обнаруживаются в водских рунах». Использование посессивных суффиксов в этом переводе оказывается даже более частым, чем в переводе А. Альквиста.

Обратим внимание, что формы посессивных показателей в MUST и AHLQ совпадают с формами, отмеченными в грамматиках (Ahlqvist 1856; Ariste 1968). В SURV же мы встречаем отличающиеся формы. Показатель 2 лица единственного числа содержит конечный гласный, что соответст-

⁶ Здесь и в других местах статьи мы не рассматриваем использование заглавных букв как вполне прозрачное явление.

⁷ Строчными заглавными П. Аристе обозначает конечные оглушаемые звонкие согласные, то есть *z* в зависимости от фонетического контекста звучит как [z] или [s].

вует грамматикам, но отличается от примеров из MUST и AHLQ. Показатель 1 лица множественного числа *-mõ/-me* в водских грамматиках не упоминается, однако он зафиксирован в финских диалектах, см. карту 166 в (Kettunen 1940). Форма *vassaatmõ* будет рассмотрена в (9.4).

Таблица 6

Посессивные формы в водских переводах «Отче наш»

Клауза	MUST	AHLQ	SURV	Глосса
1			<i>Taatta-mõ</i>	Отец-P1PL
3	<i>nime-s</i>	<i>nime-s</i>	<i>nime-zi</i>	имя-P2SG
4		<i>valta-s</i>	<i>ikoriikki-zi</i>	царствие-P2SG
5	<i>tahto-s</i>	<i>tahto-s</i>	<i>tahto-zi</i>	воля-P2SG
7		<i>leipä-ni</i>	<i>leipä'-me</i>	хлеб-P1PL
8		<i>vëlka-ni</i>	<i>pattu-mõ</i>	долг/грех-P1PL
9			<i>vassaa-mõ</i>	против-P1PL
12			<i>õma-zi</i>	свой-P2SG

(1.3) Местоимение «наш»

В водском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, посессивные (притяжательные) местоимения отсутствуют как отдельные лексемы:⁸ в этой функции используются формы генитива личных местоимений. В шести вариантах «Отче наш» мы находим пять различных вариантов записи местоимения. Различия этих вариантов касаются второго согласного и конечного гласного. В MUST, AHLQ, KUZN и SURV есть палатализованный взрывной согласный *d'*. В MUST он образует кластер с *j*, в AHLQ это одиночный согласный *d'*, а в KUZN и SURV он представлен в виде геминаты *d'd'*. Считается, что в водском языке развитие этого согласного происходило из *jj*, который перешел в кластер *d'j* (Kettunen 1930 : 63). При этом степень йотированности и геминированности этого согласного в центральноводских говорах неочевидна: у исследователей водского языка на эту тему были разные мнения (Kettunen 1930 : 113). П. Аристе записывает рассматриваемую местоименную форму с геминатой *d'd'* (Ariste 1968 : 55). При этом формы без взрывного, которые есть в наших вариантах молитвы, являются не архаичными, а инновационными. Они связаны с обратной заменой *d'd'* на *jj*, произошедшей в течение XX века в западноводских деревнях. Если в грамматике (Tsvetkov 2008: 56) мы встречаем форму мэддэ, то современные носители, как правило, произносят *meije*.⁹ Вариант *med'de* был зафиксирован нами только у одной носительницы водского языка.¹⁰ Изменение *d'd'* на *jj* было не всеобъемлющим. Так, например, в слове *vad'da* 'вось, водский' этой замены не произошло. Была известна скороговорка, обыгрывающая этот специфически водский звук: *naaka med'de vad'da kakkua seemvõi-ka võd'dettua* 'Возьми-ка наши водские (картофельные) лепешки, растительным маслом намазанные'. При-

⁸ Исключение составляет посессивно-рефлексивное местоимение *õma* 'свой'.

⁹ Обратим внимание, что мы считаем записи *meije* и *meje* соответствующими одной и той же фонетической реальности. Различие этих записей исключительно конвенциональное. Первый из этих вариантов более привычен для записи материала прибалтийско-финских языков, второй вариант больше соответствует водской фонетике, где фактически произносится геминированный *jj*.

¹⁰ Муслимов 2005 : 99.

чиной замены *d'd'* на *jj*, по всей видимости, следует считать влияние ижорского языка. Запись с одиночным *j* в PRO-A, по-видимому, является просто неточностью: варьирования одиночного и геминаты в данной форме мы не замечали ни в речи Т. Ф. Прокопенко, ни в речи других носителей современного водского языка.

Различие длительности конечного гласного соответствует диалектной принадлежности вариантов. В центральноводских вариантах AHLQ и KUZN представлен долгий гласный, а в западноводских вариантах, где произошло сокращение длительности гласных, конечный гласный краткий. В SURV конечный гласный отмечен как продленный, что по-видимому, представляет собой попытку найти компромисс между долгим гласным в центральноводских говорах и кратким гласным в западноводских говорах.

(1.4) Порядок слов в атрибутивной конструкции

В водском языке в атрибутивной конструкции прилагательное или местоимение находится в препозиции к определяемому существительному. В текстах MUST, AHLQ и HEIN мы наблюдаем инверсионный порядок слов, а в KUZN, SURV и PRO порядок слов обычный для водского языка.¹¹ Возникновение инверсионного порядка, скорее всего, связано с калькированием порядка из тех языков, на которых исходно распространялось Евангелие: определение обычно находится в постпозиции к определяемому существительному в латинском и старославянском/церковнославянском, а также при эмфазе в греческом (см., например, Black 2009 : 186—188), ср. с переводами рассматриваемой молитвы на русский и финский языки, где также сохраняется нетипичный для них порядок постпозиции определения: либо для придания тексту торжественности посредством острания, либо в силу принципа «в священном тексте священен даже сам порядок слов, и менять его ни в коем случае не следует» (Десницкий 2015 : 193).

Переводы KUZN, SURV и PRO нарушают эту традицию, придавая словосочетанию более естественный для водского языка вид. Заметим, что такой же порядок слов наблюдается и в кривинском переводе.

(1.5) Определение «небесный»

В вариантах, записанных от Т. Ф. Прокопенко, к слову *taattā* 'отец' добавлено определение *taiva* — генитив от *taivaz* 'небо'. Можно предположить, что добавление этого слова, отсутствующего в молитве, было сделано, чтобы избежать «бытового» звучания: если для носителя русского языка острание достигается за счет использования церковнославянского языка, а при переводе на русский язык за счет инверсионного порядка слов («Отец наш» вместо «наш Отец»), то водская конструкция *meije taattā* 'наш отец' ничем не отличается от ежедневного языка. Добавление определения «небесный» решает эту проблему, исключая ассоциации с бытовым контекстом.¹²

¹¹ На материале финского языка эта проблема рассматривается в Ahlholm, Kuosmanen 2019 : 163.

¹² Энн Эрнитс обратил наше внимание на наличие в эстонском языке слов *taevataat* и *taevaissa* 'Отец небесный, Бог'. Нам неизвестны причины, в силу которых на переводы Татьяны Федоровны Прокопенко мог бы повлиять эстонский язык.

(2.1) Относительное придаточное предложение

В переводах MUST, AHLQ и HEIN мы наблюдаем относительное придаточное предложение (также как в древнегреческом, старославянском/церковнославянском, финском и многих других вариантах). В MUST оно вводится словом *tšen* 'кто' (*ten* в транскрипции О. А. Ф. Мустонена), в AHLQ и HEIN словом *kumpra* 'который' (в HEIN обозначена редукция конечного гласного, соответствующая песоцко-лужицкому говору: *kumpř*, см. (2.2)). В данном контексте семантической разницы между относительными местоимениями нет, но в целом, *kumpra* 'который' имеет более широкое значение, покрывая также и неодушевленные предметы (на *kumpra* можно заменять и относительное местоимение *mikä* 'что'). В современном водском языке в относительных предложениях встречается и то и другое местоимение. Так, например, в коллекции текстов из Маркус, Рожанский 2017 в относительных предложениях *tšen* встречается три раза (два раза в форме номинатива единственного числа и один раз в форме номинатива множественного числа), а *kumpř* два раза (один раз в форме номинатива единственного числа, а другой раз в форме комитатива единственного числа).

В переводах KUZN, SURV и PRO относительного предложения не наблюдается. В KUZN и SURV используется просто инессив от слова 'небо' (см. (2.5)). Т. Ф. Прокопенко перевела этот оборот конструкцией 'ты живешь на небесах' (см. (2.4), (2.5)), что, вероятно, является небуквальным переводом оборота «сущий на небесах» и, тем самым, становится аргументом в пользу того, что переводчик исходит из русского текста молитвы.

(2.2) Редукция

Редукционные процессы существенно отразились на фонетическом облике современных западноводских говоров. В целом, можно говорить о тенденции перехода количественных оппозиций в качественные. Краткие неударные гласные *a* и *ä* перешли в *ǫ* и *e* соответственно, долгие же сохранили свое качество, но существенно уменьшились в длительности. Поэтому решение вопроса о противопоставленности гласных непервых слогов по длительности не имеет однозначного ответа и во многом зависит от интерпретации исследователя (более подробно эта проблема рассматривается в Rozhanskiy 2015 : 127–131). Не подверглись качественной редукции продленные гласные в стопе структуры (C)VCV(C), которые в современном водском языке не отличаются от исходно долгих гласных, ср., например, *mussǫ-z* 'черный-INE' (< *mussa-za*) и *musa-d* 'черный-PL.NOM' (< *musa-d*), а также *mussa* 'черный.PART' (< *mussaa*). Рефлекс конечных гласных *a* и *ä* зависит от конкретного западноводского говора. В кракольском говоре (по крайней мере, у ряда его носителей, к которым следует отнести и водского лингвиста Дмитрия Цветкова, автора водской грамматики и словаря) эти гласные, как правило, полностью отпали, ср. *muš* 'черный' (Tsvetkov 1995 : 180). В песоцко-лужицком говоре они качественно редуцировались, превратившись в конечные *ǫ* и *ə* (*mussǫ* 'черный', *mettsə* 'лес'). Эти конечные редуцированные сильно варьируют в произнесении: от апокопированного (особенно в беглой речи перед словами, начинающимися с гласного) до почти полного гласного. Чаще всего они занимают промежуточное положение между *a* и *ǫ* для заднерядного гласного и *ä* и *e* для переднерядного гласного. В практической орфографии, отражающей

щей редукционные процессы, они нередко записываются как \tilde{o} или e соответственно (в частности, такая система записи принята в варианте HEIN). Интересную загадку с точки зрения редукции представляет вариант MUST из Краколя. Несмотря на относительно небольшую разницу по времени со словарем Tsvetkov 1995, который был написан в 1920-х годах, в MUST не отмечено никакой редукции или отпадения конечных гласных a и \tilde{a} , тогда как в Tsvetkov 1995 и 2008 отмечена редукция, а конечные гласные полностью апокопируются. Таким образом, мы должны предположить либо неточность записи у одного или обоих исследователей, либо какое-то удивительно быстрое изменение языка. Второе предположение выглядит значительно менее вероятным, чем первое. Наши собственные полевые записи, полученные от кракольских носителей, родившихся в 1930-х годах, совпадают с данными Цветкова: в них наличествует либо полное отпадение гласных, либо ярко выраженная редукция.¹³ Таким образом, можно предположить, что О. А. Ф. Мустонен не отмечал редукцию, отсутствующую в стандартном финском. Такая ситуация не представляется уникальной, ср., например, высказывание П. Аристе о собирателях ижорских фольклорных материалов: «Многие ижорские песни опубликованы в серии финских сборников «Suomen kansan vanhat runot», но эти древние руны записаны очень неточно. Кроме того, некоторые собиратели песен финнизировали слыханное и морфологически, и фонетически» (Ariste 1960 : 67).¹⁴

(2.3) Форма глагола «быть»

Форма 2 лица единственного числа настоящего времени от глагола «быть» в обороте «который есть на небесах» наблюдается в трех вариантах: MUST, AHLQ и HEIN. В MUST и HEIN это одна и та же форма, различающаяся только записью конечного оглушаемого согласного: $\tilde{o}\tilde{o}t \sim \tilde{o}\tilde{o}d$. В AHLQ мы видим ту же форму, но с основой, где не произошло выпадения l : $\tilde{o}let$. В грамматике Ahlqvist 1856 : 65 указана только нестяженная форма глагола ($\tilde{o}let$), но в Ariste 1968 : 68 отмечается варьирование стяженных и нестяженных форм в парадигме бытийного глагола. В словаре VKS 1579 заметно сильное преобладание говоров со стяженными формами 1 лица единственного числа настоящего времени,¹⁵ а вариант $\tilde{o}len$ 'быть.PRS.1SG' отмечается как зафиксированный только у А. Альквиста.

¹³ Заметим, что А. Лаанест считал водскую редукцию заимствованным явлением: «Редукция безударных гласных встречается в водских говорах на р. Луге, но не обнаружена в остальных водских говорах; нет основания предполагать, что это явление берет свое начало в водском языке» (Лаанест 1977 : 256). Тем не менее, остается непонятным, какой именно источник у этой редукции: в том или ином виде редукционные процессы повлияли на все окружающие идиомы: ижорские диалекты, ингерманландский финский и эстонский язык. При этом в ижорском нижнелужском диалекте самая сильная редукция отмечается в тех говорах, которые не контактировали с западноводскими говорами, а единственный финский говор с сильной редукцией (говор деревни Дубровка) также находится довольно далеко от западноводских говоров (Муслимов 2019 : 259–260).

¹⁴ Ср. также: «The materials from older collections have been treated with a certain amount of caution, since they often contain rather evident features of the Finnish language, the occurrence of which can be attributed to the fact that the scholars doing research in the Votic language were native Finns who used Finnish as their basis of analysis» (Ariste 1968 : V–VI).

¹⁵ В этом словаре кроме инфинитива для глаголов указываются только формы 1 лица единственного числа настоящего времени.

(2.4) Форма глагола «жить»

Использованная Т. Ф. Прокопенко форма от глагола «жить» (*elä-d* 'жить.PRS-2SG') сама по себе не представляет особого интереса: это регулярный глагол, употребление которого в данном контексте вполне обоснованно. С этим глаголом начало молитвы дословно переводится так: 'Наш небесный Отец, Ты живешь на небе'. Заметим, что 2 лицо единственного числа глагола соответствует церковнославянскому переводу, где в такой же грамматической форме стоит бытийный глагол: **ѢСИ** 'быть.PRS.2SG'.

Также не должна была бы вызывать удивление запись конечного согласного в виде *t* в Агранат 2005 : 8 — в этой статье все конечные оглушаемые звонкие записываются как глухие. Однако совершенно неожиданной оказывается глосса, которой Т. Б. Агранат снабжает эту форму, а именно PRES.PASS, то есть 'пассивная форма настоящего времени'. Это означает, что данная форма отождествляется ей с *eletä* — имперсональной (пассивной) формой настоящего времени. Причины такого отождествления нам непонятны. Во-первых, по смыслу такая форма может использоваться либо в имперсональном контексте (*На небесах живут*), либо в качестве формы 3 лица множественного числа (*Они живут на небесах*). Ни один из этих вариантов к контексту рассматриваемой молитвы не подходит. Во-вторых, как несложно заметить, между формой настоящего времени 2 лица единственного числа *elät* и имперсональной формой *eletä* есть вполне очевидные фонетические различия: второй гласный в одном случае *ä*, а в другом *e*, третий гласный в одном случае отсутствует, а в другом *ä* (заметим, что будучи исходно долгим, гласный *ä* тут не подвержен качественной редукции или апокопе).

(2.5) Форма существительного «небо»

Во всех переводах мы наблюдаем слово 'небо' в форме инессива, поскольку в водском языке для передачи значения 'на небе' используется внутриместный падеж. Различаются исследуемые переводы по нескольким параметрам:

а. Число формы инессива. В AHLQ, HEIN и SURV использовано множественное число (*taiva-i-z(a)* 'небо-PL-INE'), что соответствует финскому варианту молитвы,¹⁶ в остальных же вариантах использовано единственное число, которое для данной лексемы является более типичным с точки зрения водского языка.¹⁷

б. Наличие конечного гласного. Показатель инессива с конечным гласным мы наблюдаем в вариантах MUST, AHLQ и SURV. Насколько соответствует действительности запись показателя с конечным гласным для кракольского говора, непонятно, см. (2.2). Для центральноводских говоров П. Аристе приводит вариант показателя с конечным гласным (то есть *-za/-zä*), но отмечает, что в позиции сандхи этот показатель может появляться без гласного (Ariste 1968 : 23). В водском корпусе (Murdekorpus 2021) для центральноводских говоров вариант инессива без ко-

¹⁶ Заметим, что среди древнегреческих вариантов наблюдается варьирование числа в этой форме.

¹⁷ Так, например, в диалектном корпусе (Murdekorpus 2021) среди пяти встретившихся форм водского слова 'небо' нет ни одной формы множественного числа.

нечного гласного встречается примерно в четыре раза чаще, чем с гласным. С этой точки зрения запись показателя без гласного в KUZN представляется более типичной для центральноводского диалекта. В песоцко-лужицких вариантах HEIN и PRO конечный гласный ожидаемо отсутствует.

в. Длительность гласного на стыке основы и показателя. Как было отмечено в пункте (2.2), если в более архаичных центральноводских говорах сохранялся долгий гласный, то соответствующие гласные в более инновационных западноводских говорах становились краткими, ср. *taivaaz(a)* в MUST и KUZN с *tajvas* в PRO-A. Интересной представляется форма *taivõz* в PRO-R. Эта форма является очевидной оговоркой носительницы: далее эта же форма произносится с четким [a] (см. (6.2)), и кроме того в нашем распоряжении имеются записи элициаций, где Т. Ф. Прокопенко произносит инессив от слова 'небо' с [a]. Причины данной оговорки вполне понятны: форма *taivõz* существует как форма номинатива, то есть две формы слова 'небо' отличаются лишь одним гласным: *õ* vs *a*. Во многих же других словах в форме инессива наблюдается редукция гласного, ср. *taiva* 'небо.GEN' — *taivaz* 'небо.INESS' с *laiva* 'судно.GEN' — *laivõz* 'судно.INESS'. В PRO-V наблюдается ожидаемая форма *taivaz*.

К чисто конвенциональным мы относим два различия в вариантах PRO-A и PRO-R/PRO-V: (1) запись дифтонга как *aj* или *ai* (схожая проблема обсуждалась выше в связи с местоимением 'наш') и (2) запись конечного оглушаемого звонкого как *s* или *z*.¹⁸

(3.1) Юссив

В водском языке существует не только императив второго лица, но и императив третьего лица (юссив). Показателем юссива является *-ko(o)* для единственного числа и *-ko(o)d* для множественного числа. Образуются эти формы от той же основы, что и императив второго лица множественного числа. Показатели юссива обеих чисел и императива множественного числа — единственные глагольные показатели, которые не подчиняются сингармонизму. Для перевода конструкции 'да святится имя твое!' в MUST, AHLQ, HEIN, KUZN и SURV выбрана форма глагола 'быть' *õlko*, в которой показатель юссива присоединяется к согласной основе *õl-* (в варианте HEIN гласный показателя краткий, что соответствует песоцко-лужицкому говору: *õlko*). Однако в современном водском языке произошло вытеснение формы юссива аналитической конструкцией с частицей *laa*¹⁹ 'пусть', которая ставится перед личной формой глагола. Юссивная форма понятна носителям языка, но в речи обычно используется аналитическая конструкция. Именно эта аналитическая конструкция использована Т. Ф. Прокопенко: оборот 'да святится!' она переводит на водский как *laa paisõb* (см. 3.2)).

(3.2) Глагол «святиться»

В вариантах MUST, AHLQ, HEIN и KUZN используется конструкция с юссивом бытийного глагола. В MUST бытийный глагол сочетается с пас-

¹⁸ Обратим внимание, что в грамматике Tsvetkov 2008 инессив записывается с конечным *s*, а в словаре Tsvetkov 1995 с конечным *z*.

¹⁹ В транскрипции, различающей обычное и веляризованное *l*, эта частица записывается как *laa*, а юссив от глагола 'быть' как *õlko(o)*.

сивным причастием от глагола *siunata* 'благославлять', известного как в центральноводских, так и в западноводских говорах (VKS 1156—1157). Тем самым, перевод данной конструкции в MUST — 'пусть будет благословлено'. В AHLQ и SURV бытийному глаголу предшествует форма *pühättii*, которая формально допускает две возможные интерпретации. Во-первых, ее можно рассматривать как пассивное причастие от глагола *pühätä*. В VKS 1016 у этого глагола отмечены два значения: '(по)беречь, защищать, защитить' и '(по)клясться, присягать, присягнуть'. Ни одно из них в полной мере не подходит к рассматриваемому контексту. Во-вторых, в VKS 1016 отмечено отдельное слово *pühättii*, переводимое как 'святой, святитель', что позволяет перевести данную конструкцию как 'пусть будет святым'. К сожалению, в словаре у этого слова не отмечена частеречная принадлежность и остается неясным, насколько у него допустимо адъективное употребление. Примечательно, что и глагол *pühätä* и имя *pühättii* относительно слабо распространены в водских диалектах. Глагол отмечен в котельских записях А. Альквиста и В. Алава, а также в деревне Маттия, имя отмечено только в старых записях из Котлов у А. Альквиста и из Руддилова у А. Регули и Д. Э. Д. Европеуса. С достаточной степенью уверенности можно предположить, что данная форма была выбрана под влиянием одного из родственных языков, скорее всего финского, где глагол *pyhittää* имеет значение 'считать святым, чтить, почитать' (Вахрос, Щербаков 2007 : 496). В HEIN была сохранена исходная конструкция из варианта AHLQ с формой *pühättii*, которая однако не зафиксирована ни в песоцко-лужицком говоре, под который производилась адаптация, ни в каких-либо соседствующих говорах. Это, впрочем, не означает, что данная форма могла быть непонятна носителям песоцко-лужицкого говора: ее значение вычисляется через прилагательное *pühä* 'святой, священный'.

В KUZN бытийный глагол выступает в сочетании именно с этим прилагательным, известном в том числе и в центральноводских говорах (VKS 1014—1015). Тем самым, перевод с использованием *pühä* выглядит более соответствующим живому водскому языку, чем перевод с формой *pyhättii* у А. Альквиста.

В переводах Т. Ф. Прокопенко используется форма 3 лица единственного числа настоящего времени *paisõb* от глагола *paissa*, представленного в различных водских диалектах (VKS 866). У этого глагола существует три значения: 'виднеться', 'светить(ся), сиять, блестеть, блеснуть' и 'печь'. Очевидно, что Т. Ф. Прокопенко имела в виду второе значение, смешав два слова, оказавшихся (по крайней мере, в данном контексте) паронимами: *святиться* со значением 'свято чтиться' и *светиться* 'излучать свет'.²⁰ Мы наблюдаем отличия в записи данной глагольной формы в вариантах PRO-A vs PRO-R/PRO-V. Во-первых, это конечный оглушаемый звонкий (см. (2.4)), во-вторых, это тематический гласный, который в PRO-A записан как *e*, а в PRO-R/PRO-V, как *õ*. Появление *e* в данном месте невозможно: тематические гласные следуют закону сингармонизма, в соответствии с которым тематический *e* допустим в пе-

²⁰ Смешение этих слов не является чем-то необычным в библейских переводах, в частности, оно отмечалось в переводах на марийский, якутский, эвенкийский и монгольский языки (Blokland 2018 : 310; de Graaf; Bergmann, Naarden 2018 : 383; Pevnov 2018 : 389; Badagarov, Natsagdorj, Janhunen 2018 : 439).

реднерядных словах, а *õ* в заднерядных. Тем самым, запись данной глагольной формы через *e* следует признать ошибочной.

(3.3) Существительное «имя»

Во всех вариантах перевода употреблено слово *nimi* 'имя' (уральского происхождения).²¹ В HEIN, KUZN и PRO это слово употреблено в словарной форме номинатива единственного числа, но в MUST, AHLQ и SURV оно оформлено посессивным показателем 2 лица единственного числа: *nime-s* ~ *nime-zi* 'имя-P2SG', см. (1.2).

(3.4) Местоимение «твой»

Местоименная форма *sinu(u)* 'твой' является генитивом единственного числа от личного местоимения *siä* 'ты' (см. (1.3)). Разница переводов в этой форме касается только конечного гласного: в AHLQ и KUZN он записан долгим, в SURV с продлением (*Sinú*), а в остальных вариантах кратким. См. (2.2).

(3.5) Порядок слов

В целом, порядок слов в водском языке относительно свободный. В рассматриваемом предложении объект стоит в конце предложения во всех вариантах молитвы. Однако если в MUST и KUZN юссивная форма глагола находится в начале клаузы, то в AHLQ, HEIN и SURV она занимает второе место, что, по-видимому, следует считать более маркированным вариантом. Такая конструкция с двумя глагольными формами (причастие плюс вспомогательный глагол) наблюдается в переводах «Отче наш» на прибалтийско-финские языки (финский²² и эстонский), а также на германские языки (немецкий, шведский и др.),²³ из которых она и была заимствована.²⁴ Это позволяет предположить, что в переводе варианта AHLQ А. Альквист принимал непосредственное участие (либо как собственно переводчик, либо как редактор) или же (это кажется менее вероятным, но возможным) что перевод был сделан кем-то из лютеранских пасторов, овладевших водским языком. Предположение, что перевод мог сделать кто-то из местной воды, представляется нам маловероятным: в XIX веке сельский православный житель вряд ли мог быть знаком с церковными текстами на финском, эстонском или каком-нибудь из германских языков.

(4.1) Форма глагола «приходить»

В MUST, AHLQ, HEIN и KUZN используется форма юссива от глагола 'приходить'. В MUST, AHLQ и KUZN конечный гласный в этой форме долгий (*tulkoo*), а в HEIN краткий (*tulko*), ср. с (3.1).

²¹ В водском существует и другая лексема с тем же значением: *imi*. Она значительно менее распространена, но все же зафиксирована в восточных, центральных и западных водских говорах (VKS 288). Происхождение ее не совсем очевидно (Rozhanskiy, Zhivlov 2019 : 93).

²² По-фински эта строка выглядит как *pyhitetty olkoon sinun nimesi* [читать-PRTPASS быть.IMP.3SG 2SG.GEN имя.P2SG] 'Да святится имя твоё!'.

²³ Ни греческий, ни латинский, ни старославянский/церковнославянский варианты не имеют аналогичной конструкции, состоящей из двух глагольных форм и могущей повлиять на порядок слов при переводе.

²⁴ Первый письменный перевод Нового Завета на финский был сделан в середине XVI века М. Агриколой (см., например, Ahlholm, Kuosmanen 2019 : 149), когда тот учился в Германии. В этом переводе рассматриваемая конструкция присутствует, см. http://www.finbible.fi/wsi%20Testamentti/matteus_6.htm.

В вариантах PRO используется аналитическая конструкция с *laa*, см. (3.1). В этих вариантах порядок четвертой и пятой клауз оказался поменян местами, в результате сначала идет аналитическая конструкция с *laa* и формой настоящего времени 3 лица единственного числа от глагола 'быть' (*on*), а затем при помощи сочинительного союза *i* (см. (4.5)) присоединяется клауза с формой настоящего времени 3 лица единственного числа от глагола 'приходить' (*toob*) на этот раз уже без *laa*. Различие конечного согласного (личного показателя) в вариантах PRO-A и PRO-R/PRO-V определяется особенностями выбранной транскрипции, см. (2.4).

В SURV употреблен глагол *saavva* в форме юссива единственного числа. У этого глагола широкий спектр значений, в частности, 'получать, добывать', 'становиться', 'мочь' и др., однако нам неизвестно, использовался ли в водском языке этот глагол в аналогичной конструкции с номинативным объектом и значением 'пусть будет'.

(4.2) Местоимение «твой»

См. (3.4).

(4.3) Лексема «царствие»

Перевод данного слова на водский неоднозначен. В вариантах MUST и KUZN использовано слово *riikki*, зафиксированное в некоторых деревнях (как центрально- так и западноводских) и имеющее два значения 'государство; царство' и 'правительство' (VKS 1051). В AHLQ, а также в производном от него варианте HEIN мы встречаем другое слово: *valta*, которое в AHLQ содержит посессивный показатель 2 лица единственного числа (*valta-s*), а в HEIN посессивного показателя не содержит (о посессивных показателях см. (1.2)).²⁵ Это слово также отмечено как в центрально-, так и западноводских деревнях и имеет четыре значения: 'волость', 'владение', 'власть' и 'мочь'²⁶ (VKS 1478). С известной долей условности можно утверждать, что *riikki* является более точным переводом с формальной, а *valta* с содержательной точки зрения.²⁷

В SURV используется форма *ikoriikkizi*, являющаяся композитом в форме номинатива с посессивным суффиксом, см. (1.2). У этого композита, не зафиксированного в водских словарях и грамматиках, вторая часть — обсуждавшееся выше слово *riikki*, а первая — форматив *iko*, не встречающийся как независимое слово и известный лишь по композиту *ikoolookka* 'радуга' (VKS 280). В VKS 50 часть *iko* отмечена как не имеющая перевода. В Ernits 1999 : 42 *ikoolookka* отождествляется с синонимичным вариантом *ikoolookka*, и соответственно *iko* возводится к **ukoo-* — генитив от *ukko* 'старик, дед; гроза' (VKS 1435), ср. с фин. *Ukko* 'Громовержец (верховный бог

²⁵ В этом слове по случайности не был адаптирован к песочко-лужицкому говору конечный исходно краткий гласный, который должен записываться как *õ*, ср. с (12.2). В Heinsoo 2016 : 43 эта неточность была исправлена.

²⁶ Последнее значение, насколько можно понять, взято из Паллас 1787.

²⁷ Проблемы при переводе этого слова уже отмечались специалистами по библейскому переводу: «Например, во всех языках есть слово царство, но в большинстве из них оно означает некую территорию, находящуюся под властью царя (kingdom), тогда как в Евангелиях Царством Божиим обычно называется общий принцип и практическое проявление царской власти (kingship)» (Десницкий 2015 : 276). Ср. с обсуждением этой проблемы в отношении финского перевода «Отче наш» в (Ahlholm, Kuosmanen 2019 : 172–173).

в сказаниях финнов)' (Вахрос, Щербаков 2007 : 675). Тем самым, *ikoriikki* является попыткой изобретения слова со значением 'Царствие Божие'.

Что же касается вариантов Т. Ф. Прокопенко, то в них носительница языка не находит подходящего водского слова и просто использует русское слово *царствие*. В словарях это слово не отмечено (и, тем самым, вряд ли его можно считать заимствованием), но в Tsvetkov 1995: 346 мы встречаем однокоренные *tsar* 'царь', *tsarevne* 'царевна', *tsarevič* 'царевич'. В PRO-V слово *царствие* предшествует местоимению *sinu* 'твой'. По всей видимости, это просто случайное калькирование с русского текста молитвы.

(4.4) Слово «к» и порядок слов

В переводе клаузы 'да приидет Царствие Твое' переводы MUST, AHLQ и HEIN используют наречие, обозначающее приближение. В HEIN это *tüve*, а в AHLQ и HEIN синонимичное ему *liši* (при этом А. Альквист записывает его через дефис, вероятно, подразумевая, что оно является превербом: *liši-tulkoo*). В MUST наречие завершает клаузу, а в AHLQ и HEIN, наоборот, оно находится в начальной позиции.

В KUZN производится уточнение, куда должно прийти царствие, посредством послеложной конструкции: *med'dee tüvee* 'к нам', так же как это было сделано в кривинском переводе. Использование одних и тех же форм как наречий и как послелогов или предлогов типично для водского языка, а также для других прибалтийско-финских языков. О различии в долготе конечного гласного (*tüve* vs *tüvee*), см. (1.3).

В PRO никаких уточняющих наречий или послелогов нет.

(4.5) Сочинительный союз

Сочинительный союз *i* появляется только в вариантах, записанных от Т. Ф. Прокопенко. Этот союз заимствован из русского языка и существует в современном водском параллельно с синонимичными союзами *ja* и *de ~ da ~ dā* (первый из них германского происхождения, а второй, как и *i*, заимствован из русского). В современном водском языке союз *i* используется несколько чаще, чем *ja*, а *ja* чаще, чем *de ~ da ~ dā*.

(5.1) Юссив

В MUST используется юссив от глагола *süntiüä* 'рождаться; появляться, возникать, получаться, образовываться; случаться, происходить; подходить (что-то кому-то)' (VKS 1217). При этом показатель юссива в MUST имеет вид *-koo*. И в центральноводских, и в западноводских говорах, если этот показатель добавляется к основе на гласный, в которой больше одного слога, то он должен начинаться со звонкого *g*, а не с глухого *k* (Ariste 1968 : 73–74; Маркус, Рожанский 2017 : 482, 639). По всей видимости, О. А. Ф. Мустонен записал глухой согласный под влиянием финского языка.

В KUZN и SURV мы наблюдаем правильный показатель юссива: *sün-tügoo*.

В AHLQ и HEIN употреблена форма юссива от бытийного глагола: *õlloo* (или *õlko* в песочко-лужицком говоре).

Т. Ф. Прокопенко не использует синтетическую форму юссива, предпочитая аналитическую конструкцию с частицей *laa* и формой 3 лица единственного числа бытийного глагола (*on*). См. также (3.1).

(5.2) Слово «воля»

В вариантах MUST, AHLQ, HEIN и SURV слово 'воля' переводится на водский существительным *tahto*. В VKS 1254 это слово отмечено как зафиксированное только в Краколье и Лужицах. Появление этого слова в переводе А. Альквиста заставляет нас предположить, либо что у него было более широкое распространение, либо что здесь мы наблюдаем калькирование с финского варианта молитвы, где использовано именно это слово. В переводах MUST, AHLQ и SURV оно оформлено показателем посессивности 2 лица единственного числа, см. (1.2).

В переводе KUZN окончательный выбор слова не был сделан. Один из предлагаемых вариантов — уже рассмотренное слово *tahto*, другой вариант — *meeli*. Это слово с широкой семантикой, VKS 712—713) выделяет у него шесть значений: 'ум, разум, рассудок', 'нрав, дух', 'настроение', '(по)желание', 'мысль, замысел' и 'память'. В отличие от *tahto* слово *meeli* было распространено по всему водскому ареалу и часто использовалось в речи. Именно это слово присутствует в кривинском переводе.

В переводах Т. Ф. Прокопенко выбран совсем другой подход. При помощи словообразовательного суффикса-субстантиватора она образует существительные от глаголов *tehä* 'делать' и *tahtoa* 'хотеть', и переводит данную клаузу как 'пусть сделанное будет твоим желаемым'. Образованные слова *tešëmüz* и *tahtomuz* в словарях (Tsvetkov 1995;²⁸ VKS) не зафиксированы, но нет никаких причин считать такое словообразование противоречащим принципам современного водского языка. В варианте PRO-A данные слова записаны с конечными *s* (см. (2.4)), и при этом в одном случае указана мягкость конечного согласного: *tešëmüís*. Смягчение конечного *z* (*s*) в переднерядных словах современного водского языка довольно часто наблюдаемое явление, свойственное в разной степени разным идиолектам.

(5.3) Местоимение «твой»

См. (3.4). В SURV местоимения 'твой' нет: по всей видимости, автор перевода решил, что посессивный показатель в полной мере заменяет притяжательное местоимение.

(5.4) Порядок слов

Во всех анализируемых переводах кроме KUZN на первом месте оказывается либо глагольная форма, либо частица, являющаяся частью предикации. В KUZN глагольная форма находится в конце клаузы (так же как это сделано в кривинском переводе).

(5.5) Местоимение «все» и послелог «согласно»

В SURV данная клауза переводится дословно как «пусть случится все согласно твоей воле». Она содержит местоимение *kõik* 'весь, все' и послелог *mukkaa* 'согласно', отсутствующие в остальных переводах. При этом в VKS 744—745 вариант *mukkaa* отмечен только в западноводских деревнях, а в центральноводском диалекте это слово отмечено лишь в говоре Пумалиц и с одиночным взрывным: *mukaa*.

²⁸ При этом в Tsvetkov 1995 : 329, 337 находим слова *tahtomin* 'хотение, воля' и без русского перевода *tešëmin* (в качестве финского перевода указано 'tekeminen').

(6.1) Инессив от «небо»

См. (2.5). Отличие от аналогичной формы во второй клаузе наблюдается только в двух переводах. В PRO-R на этот раз форма произнесена без ошибки во втором гласном (*taivaz*). В SURV к форме инессива множественного числа добавлена клитическая эмфатическая частица *tši*.

(6.2) Оборот «на земле» и послелог «на»

Для передачи значения 'на земле' в AHLQ и HEIN используется форма инессива *maaz(a)*, а в MUST, KUZN и PRO послеложная конструкция *maa pääl(l)ä* [земля.GEN на]. Такого рода варьирование в данном контексте не выглядит экзотичным для водского языка. Фактически оно является контаминацией двух разных типов варьирования: с одной стороны, это варьирование внутриместного и внешнеместного падежей *maaz(a) ~ таалл(a/ä)*,²⁹ с другой стороны, это варьирование внешнеместной падежной формы и послеложной конструкции: *таалл(a/ä)* vs *maa pääl(l)(ä/ä)*.³⁰ При этом адессивная форма *таалла* использована в переводе SURV, где к этой форме добавлена клитическая эмфатическая частица *tši*: *maallaci*.

Наличие конечного гласного в форме инессива в AHLQ и его отсутствие в HEIN соответствует диалектной принадлежности этих переводов, см. (2.5)

Послелог 'на' записан по-разному: *päälä* в MUST, *päällä* в KUZN, *päl'* в PRO-A, и *päällä* в PRO-R и PRO-V. Варьирование числа *l* в этом послелоге отмечалось и раньше (см. VKS 1002; Маркус, Рожанский 2017 : 279). Полный конечный гласный ожидаем в центральноводских говорах (KUZN). MUST редукцию не обозначает, в PRO-R и PRO-V она обозначена. Конечный редуцированный часто отпадает в беглой речи, так что его отсутствие в PRO-A не является удивительным. Однако краткий *ä* сложно объяснить кроме как ошибкой в записи: такой вариант не наблюдался ни у предшествующих исследователей (VKS 1002), ни в материалах, записанных от Т. Ф. Прокопенко.³¹

(6.3) Сравнительная конструкция

Сравнительная конструкция 'на земле, как на небе' передается в рассматриваемых переводах по-разному.

В MUST используется союз *kui* 'чем, так же как' в сочетании с частицей *nii ~ ni*: *nii taivaaza kui maa päälä* 'так на небе, как на земле'.

²⁹ Ср. *öli se äzzö meijjee maaz* 'Это дело (= событие) было (= случилось) на нашей земле' (VKS 679) и *linad lesiväd таалла* 'Лен лежит на земле' (перевод на финский 'pellavat makaavat maassa') (Kettunen, Posti 1932 : 6–7). В наших записях имеются примеры элициаций с варьированием, признаваемым носителями современного водского: *kassin тааллä ~ maaz öli pall'o sötijä* 'На этой земле было много войн'.

³⁰ В современном водском языке, использование внешнеместных падежей в чисто пространственном значении (*lavvöllä* 'на столе', *merellä* 'на море') допустимо, но в большой степени стало второстепенным по сравнению с использованием их для обозначения личного пространства и принадлежности (*naapurilä* 'у соседа', *tütöllä* 'у девочки'). Пространственное значение чаще выражается послеложной конструкцией (*lavva päällä* 'на столе', *mere päällä* 'на море').

³¹ В частности, в PRO-R длительность *ä* в форме *päällä* составляет более 200 мс., что однозначно соответствует долгому гласному.

В AHLQ и HEIN используется аналогичная конструкция, только объекты сравнения поменяны местами: *nii maaza kui taivaiza* 'так на земле, как на небесах'.

Такая же конструкция используется и в KUZN, только *kui taivaaz* 'как на небе' идет сначала, а *ni maa päällä* 'так на земле' потом. При этом после *ni* следует наречие *kaaz* 'тоже', которое известно в кривинском и западноводском, но не в центральноводском диалекте. Вся рассматриваемая конструкция в KUZN позаимствована из кривинского перевода (ср. (*kui taivaaz nii kas maa päälä/päällä!* в KREV-ERN).

В PRO использован другой союз: *niku*, образованный от *nii* и *ku(i)* (Barbera 2012 : 206)³² и имеющий более узкое значение, чем *kui*. Если *kui* может использоваться и в значении 'чем' (*täll eb õõ rohkapi rahha kui miilä* 'У него денег не больше, чем у меня'), и в значении 'так же как' (*tämä suvvab minnuu kui miä tätä* 'Он любит меня, как я его'), то *niku* используется только в значении 'так же как'. В PRO-A за *niku* следует заимствованная из русского эмфатическая частица *i*.

В переводах Т. Ф. Прокопенко сначала следует 'земля', а потом 'небо'. В принципе, это может быть аргументом в пользу того, что в качестве оригинала использовался русский, а не церковнославянский вариант молитвы (то есть «и на земле, как на небе», а не «яко на небеси и на земли»), но поскольку выше мы видели нарушение порядка клауз 4 и 5, то и тут порядок слов следует рассматривать, как второстепенный аргумент.

Только в переводе SURV сравнительная конструкция отсутствует, и формы 'на земле' и 'на небе' даны просто через запятую.

(7.1) Глагольная форма «дай»

Во всех вариантах мы встречаем форму императива 2 лица единственного числа от глагола *anta(a)* 'давать'. Единственное различие между переводами состоит в редукции конечного гласного. MUST, как обычно, редукцию не отмечает, в AHLQ, KUZN и SURV, относящихся к центральноводскому диалекту, редукции нет (*anna*), в HEIN, PRO-R и PRO-V редукция отмечена (*annõ ~ annä*), как и должно быть в песоцколужицком говоре. Почему не указана редукция в PRO-A, остается непонятным: в большинстве случаев редукция в этой записи отмечена.

(7.2) Местоименная форма «нам»

Во всех вариантах мы встречаем местоименную форму со значением 'нам'. Это значение передается аллативом. В MUST и AHLQ эта форма записана как *mei-le* '1PL-ALL'. Вариант KUZN близок к ним, однако показатель аллатива имеет долгий гласный. В SURV отмечено продление конечного гласного: *mei-lé*. Для центральноводского П. Аристэ от-

³² Поскольку М. Барбера смущает различие в долготе гласного *i* в исходной частице *nii* и образованным с ее помощью союзе *niku*, он предлагает и альтернативную этимологию, где *ni-* восходит к демонстративному местоимению. С нашей точки зрения, эта этимология выглядит сомнительной. Во-первых, непонятно, почему для образования союза используется демонстративное местоимение в косвенном падеже множественного числа, ср., например, *niitä* 'tot.PL.PART' (Ariste 1968 : 59). Во-вторых, непонятно, какая существует семантическая мотивация для использования тут демонстративного местоимения. В-третьих, длительность гласного в односложных служебных словах сильно варьирует, так что потеря долготы не дает причин сомневаться в этимологии, восходящей к частице *nii*.

мечает допустимость вариантов и с кратким, и с долгим гласным и указывает, что краткий гласный чаще встречается в позиции сандхи или у форм личных местоимений (Ariste 1968: 26). В песоцко-лужицком говоре, который отражают варианты HEIN и PRO, произошло слияние адессива и аллатива, в результате образовался единый падеж с показателем *-lla/-llä*. Именно такой показатель (*-lle*) используется в переводе HEIN (конечные редуцированные не обозначаются там отдельными символами, см. (2.2)). Однако, следует обратить внимание, что в формах личных местоимений множественного числа рассматриваемый показатель чаще выступает с одиночным согласным, а не с геминатой, как в подавляющем большинстве случаев. В вариантах PRO конечные редуцированные обычно обозначаются специальными символами, поэтому следует ожидать форму *meilä*, что мы и наблюдаем в PRO-R и PRO-V. В PRO-A, однако конечный гласный записан как *e*, что характерно для большинства водских говоров, но не для песоцко-лужицкого.

(7.3) Оборот «хлеб насущный»

Во всех вариантах встречается слово *leipä* ~ *leipä* 'хлеб'; В MUST, AHLQ и KUZN оно стоит в форме номинатива *leipä*, но при этом в AHLQ и SURV оно содержит посессивный показатель 1 лица множественного числа: в AHLQ это *-ni* (*leipä-ni*), а в SURV не отмечавшийся в грамматиках *-me* (*leipä'-me*) см. (1.2). Причины, по которым в SURV отмечено продление конечного гласного основы, нам непонятны: в центральноводских говорах в этом месте ожидается краткий гласный. В KUZN слово 'хлеб' является частью композита *armoleipä*. В PRO использована форма партитива *leipä* (< *leipää*). В HEIN мы также встречаем форму партитива, однако поскольку запись *leipä* соответствует номинативу в центральноводских говорах и партитиву в западноводских говорах, остается непонятным, было ли сделано намеренное изменение формы с номинатива в AHLQ на партитив, или же эта форма по ошибке не была адаптирована к песоцко-лужицкому говору (ср. с (4.3) и (10.2)).

В MUST перед словом «хлеб» стоит определение *jõkapäiväne* 'ежедневный'. В VKS 329 это прилагательное отмечено как зафиксированное не только в записях О. А. Ф. Мустонена, но также и в деревнях Лужицы и Пумалицы (в последнем случае с первым гласным *e*, а не *ö*).³³ Подобная по смыслу и структуре форма *õkapäivädnee* содержится в AHLQ, но почему эта форма записана именно таким образом и встречается ли она в каких-либо еще источниках, нам неизвестно. В SURV данное слово присутствует в форме *ikäpäiväne*. Вариант *ikä* 'каждый' (на фоне обычного для водского *jõka*) VKS 281 отмечает только в Краколье и в Куровицах. В наших материалах он также зафиксирован у одного носителя водского языка из Лужиц. В центральноводских говорах такой вариант не отмечался. Появление *i* перед суффиксом *-ne* не имеет очевидного объяснения.

В KUZN образован композит *armoleipä* из *armo* 'милосердие; ласка, нега' (VKS 140) и *leipä* 'хлеб'. Он позаимствован из кривинского перевода (в других переводах «Отче наш» на водский он отсутствует). Заметим, что в результате приобретает несколько другой смысл, чем тот, который чаще всего наблюдается в переводах рассматриваемой молитвы (обычно

³³ См. также *jõka-päiviin* 'ежедневный' (Tsvetkov 1995 : 73).

это либо 'ежедневный хлеб' или 'необходимый хлеб'). См. обсуждение семантики этого пассажа из кревинского перевода в Ernits 1997 : 183.

В HEIN и PRO нет слова «насущенный» и используется оборот «для еды», образуемый супином *süümä* от глагола *süüvvä* 'есть' и послелогом *varťä* 'для'. В HEIN данный оборот был позаимствован из перевода Т. Ф. Прокопенко как удачное переводческое решение (информация получена в частном сообщении от автора перевода — Хейнике Хейнсоо).

(7.4) Местоимение «наш»

В переводах MUST, AHLQ и KUZN используется генитив личного местоимения для обозначения принадлежности, см. (1.3).

В HEIN это местоимение опущено, так же как и в PRO, использованном в HEIN в качестве образца при переводе данной клаузы. В SURV вместо местоименной формы используется посессивный показатель на существительном, см. (1.2).

(7.5) Наречие «сегодня»

В MUST, AHLQ, KUZN и SURV содержится наречие со значением 'сегодня'. В MUST оно выглядит как *tänänä*, в AHLQ как *tänänne*, в SURV *tänävä*, а в KUZN отмечены два варианта: *tänävä* и *tänäpää*. VKS 1414 отмечает варианты О. А. Ф. Мустонена и А. Альквиста как специфичные для них, а в качестве наиболее распространенных вариантов указывает *tänännä* и *tänän*. При этом кроме кракольских материалов О. А. Ф. Мустонена в западноводских деревнях это наречие не отмечается: там представлено похожее наречие *tänävä*, которое, в свою очередь не зафиксировано в центральноводских говорах. *Tänävä* попало в KUZN и SURV из современных западноводских говоров. Этот вариант также восстанавливают Эрнитс и Винклер (Ernits 1997 : 183; Winkler 1997 : 397) в кревинском переводе. Только в западноводских говорах и в деревне Куровицы отмечен более редкий вариант *tänäpä*, возможно являющийся заимствованием из ижорского языка.

(7.6) Порядок слов

В AHLQ, HEIN, SURV и PRO используется наиболее нейтральный порядок слов в императивной конструкции: сначала идет глагол, а потом объект. В MUST и KUZN порядок инверсионный: объект предшествует глаголу (что, заметим, соответствует кревинскому, церковнославянскому и русскому переводам). При этом не прямой местоименный объект (7.2) во всех вариантах следует непосредственно за глаголом.

(8.1) Сочинительный союз

Во всех вариантах кроме KUZN и PRO-V эта клауза начинается с соединительного союза. В MUST, AHLQ и SURV это союз *ja*, в HEIN, PRO-A и PRO-R это заимствованный из русского союз *i* (см. (4.5)).

(8.2) Глагол «простить»

В MUST, AHLQ, HEIN и SURV используется конструкция со значением 'прощать', известная и по другим прибалтийским языкам: она включает в себя глагол *anta(a)* 'давать' и наречие, восходящее к форме транслатива однокоренного с этим глаголом существительного.³⁴ Глагол в данной

³⁴ См., например, *antõ* 'подавание, дар, прощение' (Tsvetkov 1995 : 7).

клаузе выступает в форме 2 лица единственного числа повелительного наклонения (*anna ~ annō*), так же как и в предыдущей клаузе, см. (7.1). Формы наречия немного различаются: *antōōssi* в MUST, *anteehsi* в AHLQ, *antōōhsi* в SURV (записана как *antōōhsi*) и *antōōssi* в HEIN. В VKS 133 *antōōssi* отмечена как распространенная в центрально- и западноводских говорах, *anteehsi* как форма характерная для котельских данных А. Альквиста, а *antōōssi* для кракольских данных Д. Цветкова. Не совсем понятно, почему для кракольских данных Мустонена там указана форма *antōōhzi*. Форма *antōōhsi* не встречается ни в VKS, ни в Murdekorpus 2021.

В KUZN используется глагол *jättää* 'оставлять; покидать, бросать' (VKS 335—336) в форме 2 лица единственного числа императива (*jätä*). Глагол 'оставлять' не наблюдается в других анализируемых вариантах, но присутствует в кривинском переводе (заметим, что аналогичный глагол существует в церковнославянских переводах рассматриваемой молитвы).

В PRO используется заимствованный из русского глагол *prostia* 'прощать'. Хотя в VKS 964 этот глагол отмечен, как зафиксированный лишь в материалах Э. Н. Сетяля из деревни Маттия и в кракольских материалах Д. Цветкова, он был известен и некоторым песоцко-лужицким носителям, с которыми нам приходилось работать. Поскольку глагол «прощать» встречается в русских, но не церковнославянских вариантах перевода, это является аргументом в пользу русского оригинала, использованного переводчиком.

(8.3) Местоименная форма «нам»

См. (7.2). В KUZN рассматривая форма отсутствует (так же как и в кривинском переводе).

(8.4) Существительное «долг»

Слово «долг» во всех вариантах кроме SURV представлено одной и той же водской лексемой *vōlka ~ vōlakā*. Во всех вариантах кроме AHLQ используется форма номинатива множественного числа (*vōlgat ~ vōlgōd ~ vōlgōt ~ vōlgōd*), а в AHLQ представлена форма с посессивным показателем: *vēlka-ni* [долг-PL]. Эта форма одинакова для номинатива обоих чисел (а также для генитива единственного числа). В данном контексте, по всей видимости, ее следует переводить номинативом множественного числа, то есть 'наши долги'. О посессивных показателях см. комментарии (1.2) и (7.3).

Различие в записи рассматриваемой формы «долги» обусловлено следующими факторами:

— в MUST не обозначена редукция второго гласного (ср. *vōlgat* и *vōlgōt*),

— конечный оглушаемый звонкий записывается как глухой в MUST и PRO-A, но как звонкий в HEIN, KUZN, PRO-R и PRO-V (*vōlgōt* vs *vōlgōd*),

— не все записи различают *l* и *l̥*.

В AHLQ первый гласный записан как *ě*, а не как *ǔ*. Этот гласный А. Альквист использует в своей водской грамматике, в частности при записи слова «долг» (Ahlqvist 1856 : 2, 160). Он определяет этот гласный, как *e*, приближающееся к *ǔ*, но, судя по всему, это просто один из вариантов реализации *ǔ*, который либо по каким-то причинам отличался

от более типичной реализации, либо просто показался А. Альквисту таковым. Последующие исследователи этот гласный не отмечали.³⁵

В KUZN приводится также альтернативный вариант перевода при помощи слова *sünnid* 'грехи' (ед. число *süinti*). У молитвы «Отче наш» существуют как варианты со словом 'долги', так и варианты со словом 'грехи'. К последним относится текст этой молитвы в Евангелии от Луки и в старых переводах Евангелия от Матфея на финский язык (Ahlholm, Kuosmanen 2019 : 180), а также некоторые старославянские варианты и перевод на кривинский диалект водского языка (в последнем наблюдается форма *patu-d* 'грех-PL.NOM', см. KREV-ERN).

В SURV используется слово *pattu* 'грех', которое было зафиксировано лишь в кривинском водском (VKS 890). Оно оформлено посессивным показателем 1 лица множественного числа: *pattumô* (см. (1.2)) и стоит в совпадающей для обоих чисел форме номинатива (в отличие от кривинского перевода, где в соответствующей форме посессивный показатель отсутствует, но есть показатель номинатива множественного числа).

(8.5) Местоимение «наш»

См. (1.3). Заметим, что в данном месте местоимение находится в позиции к определяемому существительному, как это и должно быть в нейтральной водской конструкции.

В SURV это местоимение отсутствует. Ср. с подобной ситуацией, описанной в (5.3).

Также этого местоимения нет в PRO-V.

(9.1) Сравнительная конструкция

См. также (6.3). Во всех переводах кроме SURV используется союз *kui* 'чем, так же как'. В MUST он предваряется частицей *nii* 'так',³⁶ а в AHLQ за ним следует заимствованная из русского языка частица *i*. В SURV использован союз *niku* 'такой же как, будто'.

(9.2) Местоимение «мы»

В шести переводах мы встречаем четыре варианта записи местоимения 'мы'. Ожидаемыми являются варианты *möö* в AHLQ и SURV, а также *müü* в HEIN, PRO-R и PRO-V: как правило, центральноводскому *ö* в первом слоге соответствует западноводское *ü* (ср., например, *töö* 'работа', *söön* 'есть.PRS.1SC' (Ariste 1968 : 41, 82) с соответствующими западноводскими формами *tüü*, *süün*). Форма *müü* в KUZN является результатом влияния современных западноводских говоров. Вариант *mü* в PRO-A соответствует диалектной принадлежности по качеству гласного, но краткий гласный в данной форме, по всей видимости, является просто ошибкой записи.³⁷

В SURV к местоимению присоединена эмфатическая частица *tši*: *mööci*.

³⁵ Вполне возможно, что таким образом А. Альквист обозначил гласный *ö* в той позиции, в которой в финском языке наблюдается *e*, не осознав, что в водском есть только один *ö*, ср. водские слова *völka* 'долг' (фин. *velka*) и *tösi* 'правда' (фин. *tos*).

³⁶ Возможно, это еще не окончательно сформировавшийся композитный союз *niku*, см. (6.3).

³⁷ Заметим, что в варианте PRO-R, записанном от того же носителя языка, длительность гласного *ü* в форме *müü* составляет более 150 мс., что однозначно свидетельствует о долгом гласном.

Наиболее загадочной выглядит форма *tõõ* в MUST. В VKS 777 эта форма нигде, кроме как у О. А. Ф. Мустонена не отмечается. В данном случае, скорее всего, форма *tõõ* появилась из-за ошибки при наборе, поскольку рукописные *õ* и *õ* часто очень похожи. В той же публикации мы встречаем варьирование записей *tõõ* и *tõõ* для личного местоимения 2 лица множественного числа (Mustonen 1883 : 156).

(9.3) Глагол «простить»

Если в предыдущей клаузе (см. (8.2)) глагол находился в форме императива 2 лица единственного числа, то здесь он стоит в форме 1 лица множественного числа настоящего времени. Показателем этой глагольной формы является *-mta*. В западноводских говорах конечный гласный показателя редуцируется или апокопируется до *-mtã* или *-mt*. Также в этих говорах редуцируется конечный гласный основы *a*, ср. *annõ-mtõ* 'давать.PRS-1PL' в HEIN.

В SURV наречие приведено без конечного гласного и объединено с глаголом в единый комплекс: *antõõhs-annamma* 'прощаем'.

(9.4) Существительное «должник»

Слово «должник» переводится по-разному. В MUST используется композит *võlkameez* (из *võlka* 'долг' и *meez* 'мужчина') в форме аллатива множественного числа: *võlkamehile*. В VKS 1554 отмечается, что кроме как у О. А. Ф. Мустонена это слово зафиксировано и в материалах Д. Цветкова, однако примеров на использование этого слова не приведено. Кроме того, словарь предлагает еще одно слово с таким же значением: *võlkanikka* (дериват от слова *võlka* 'долг').

Похожий на *võlkameez* композит использует в своем переводе Т. Ф. Прокопенко: *võlkã-inimin*. Первая часть в нем такая же (только с редукцией конечного гласного), а вторая — существительное *inimin* 'человек'. Это слово стоит в форме адессива-аллатива множественного числа: *võlkã-inimisillã*. В PRO-A конечный гласный первой части почему-то записан как *õ* (хотя в других случаях конечный заднерядный редуцированный обозначается шва), а начальный *i* второй части записан как *j*. При этом падежное окончание *-le* в этой форме взято из других говоров: как отмечалось в (7.2), в песоцко-лужицком говоре, носителем которого являлась Т. Ф. Прокопенко, адессив совпал с аллативом и соответствующая форма имеет падежный показатель *-llã/-llã* (в отличие, например, от кракольского говора, где показатель аллатива содержит одиночный согласный и конечный *e*: *-le/-lã*).³⁸

В AHLQ и HEIN используются формы деривата (*võlgaliisile* и *võlgalisillõ* соответственно) от того же слова «долг». По всей видимости, этот дериват является калькой с финского слова *velallinen* 'должник, должника', поскольку в водских словарях такое слово не зафиксировано. В AHLQ первый гласный записан как *ë* (см. (8.4)). В HEIN показатель падежа адаптирован под песоцко-лужицкий говор.

В KUZN слово «должник» отсутствует, вместо него использовано местоимение *tõin* 'другой', которое в аллативе множественного числа выглядит как *tõis-i-lõõ* 'другой-PL-ALL'.

³⁸ В записи PRO-R длительность *l* в падежном показателе этой формы составляет более 150 мс, что однозначно свидетельствует о геминированном согласном.

В SURV вместо слова «должник» используется оборот с придаточным предложением: *nei-lé, ce-d ovad vassaa-mô pahaah teh-nii* [тот.PL-ALL кто.PL-НОМ быть.PRS.3PL против-P1PL плохой.PART делать-PRТACT] 'тем, кто нам плохое сделал'. Обратим внимание, что в этом предложении, по-видимому, опущено личное местоимение 1 лица множественного числа в форме генитива, которым должен управлять послелог *vassaa-mô*. Присоединение посессивных показателей к послелогам, управляющим генитивом, характерно как для литературного финского, так и для ингерманландского финского, при этом само личное местоимение в генитиве обычно опускается. И А. Альквист, и П. Аристе отмечают возможность употребления посессивных показателей с существительными, но не приводят ни одного примера на употребление посессивных показателей с послелогам. В современном же водском посессивные показатели вообще отсутствуют. Таким образом, словоформа *vassaatô* отражает влияние финского языка.

(9.5) Местоимение «наш»

В AHLQ, HEIN, PRO-A и PRO-R перед существительным «должники» стоит притяжательное местоимение «наши» в той же форме, в какой оно появлялось раньше, см. (1.3). В PRO-V вместо него использовано посессивно-рефлексивное местоимение *õta* 'свой' в форме адессива-аллатива множественного числа: *õmilä*, согласуемое со следующим за ним существительным.

(10.1) Союз «и»

В вариантах MUST, AHLQ, HEIN данная клауза связана с предшествующим текстом тем же сочинительным союзом, который использовался в каждом из этих переводов ранее, см. (4.5) и (8.1).

(10.2) Форма «не введи»

В вариантах MUST, AHLQ, HEIN и KUZN для выражения значения 'не введи' используется форма отрицательного императива (прохибитив) от глагола *saatta(a)* 'отправлять, посылать; сопровождать, провожать; проводить (время)'. Эта форма аналитическая: она состоит из императивов 2 лица единственного числа отрицательного глагола и смыслового глагола.³⁹ Императив отрицательного глагола — это *elä*, но в AHLQ он записан как *älä*. В грамматике Ahlqvist 1856 : 71 отмечено варьирование *elä ~ älä*. Вариант *älä* более редкий и встречается лишь в некоторых центрально- и западноводских деревнях (VKS 204).

Во всех четырех вариантах форма *saata* выглядит одинаково. Такая запись полностью оправдана в AHLQ и KUZN и понятна в MUST, поскольку там не обозначается редукция, но в HEIN эта запись появилась, вероятно, по ошибке: краткий гласный должен редуцироваться и последовательной была бы запись *saatõ*.

³⁹ В Агранат 2005 : 9 в аннотации к варианту О. А. Ф. Мустонена *saata* определена как форма инфинитива. Это очевидная ошибка: инфинитив не используется для образования прохибитива в водском языке (в прохибитивных конструкциях инфинитив появляется в сойкинском и жорском и то только в прохибитиве множественного числа). Кроме того, О. А. Ф. Мустонен, не отмечавший редукцию, должен был бы записать инфинитив как *saattaa* — с долгим конечным гласным и, конечно, с геминированным *tt*.

В SURV используется прохибитив от глагола *jättää* 'оставлять', но к отрицательному глаголу добавлена эмфатическая частица *ka: eläka jätä* '(и) не оставь'.

В PRO использована совсем другая конструкция: *vöta* 'брать.IMP2.SG' с центробежным наречием *poiz* 'прочь', что скорее означает 'избави'. В PRO-A это наречие записано с конечной геминатой (*pojss*), однако такой вариант не встречался ни в имеющихся у нас записях Т. Ф. Прокопенко, ни в водском языке в целом (см. VKS 943), поэтому, по всей видимости, здесь имеет место неточность записи.

(10.3) Местоимение «нас»

В MUST, AHLQ, HEIN, KUZN, SURV, и PRO-A в качестве объекта при глаголе используется форма партитива от личного местоимения 1 лица множественного числа. В MUST, AHLQ, KUZN и SURV эта форма записана как *meitä* (в MUST, как обычно, отсутствуют признаки редукции). В HEIN и PRO-A отмечена редукция конечного гласного (*meite* и *meitə* в соответствии с выбранным принципом записи).

Интересно, что в PRO-R Т. Ф. Прокопенко начинает предложение, прерывается и потом произносит вариант с такой же формой *meitə*, хотя сперва она употребляет форму не партитива, а аблатива *meiltə*. Форма аблатива появляется в варианте PRO-V, где вся конструкция произнесена полностью: вместо *Vöta meitə poiz ot iskušeniä* (дословно 'Возьми нас прочь от искушения') произнесено *Vöta meiltə poiz iskušeniä* (дословно 'Возьми от нас прочь искушение'). Таким образом, мы наблюдаем два возможных варианта перевода и колебания переводчика в выборе варианта.

(10.4) Существительное «искушение»

По-видимому, это слово является наиболее проблемным при переводе «Отче наш».

В MUST использовано слово *tšiusahuz* 'искушение' — дериват от глагола *tšiuzata* 'искушать, соблазнять' (VKS 1345). Данный глагол отмечен в различных водских диалектах, а образованное от него существительное зафиксировано только у О. А. Ф. Мустонена. Можно предположить, что это неологизм, созданный для целей перевода.

В SURV использована форма с тем же корнем: *ciuzoohsôh* 'искушение.ILL', не зафиксированная в известных нам источниках. По всей видимости, эта форма появилась в результате попытки адаптации к водскому языку формы иллатива от ингерманландского финского слова *kiusoos* 'искушение' (*kiusaus* в литературном финском).

Использованные в AHLQ и HEIN иллативные формы (*manituhseese* и *manitussõ* соответственно) не соответствуют каким-либо существительным, отмеченным в водских словарях. Однако в VKS 700 отмечен глагол *manittaa* 'соблазнять, соблазнить, уговаривать, уговорить', от которого и были образованы существительные.

В варианте KUZN выбрано слово *kurja*. Оно отмечено в разных водских диалектах (и, в частности, используется в кривинском переводе) и имеет несколько значений: 'плохой, дурной; худой', 'зло', 'негодяй, негодник, окаянный (бранное слово)' и 'буря' (VKS 514—515). Хотя по значению это слово чуть меньше соответствует оригиналу, оно более привычное и понятное для носителей водского языка.

Т. Ф. Прокопенко не смогла придумать вариант перевода слова 'искушение' на водский язык и прибегла в данном месте молитвы к переключению кодов, произнесла форму по-русски («от искушения» в PRO-A и PRO-R, «искушение» в PRO-V), что является свидетельством русского оригинала, использованного переводчиком (в церковнославянских вариантах чаще наблюдается слово «напасть» (Евангелие от Матфея в славянской традиции 2005 : 38), но даже в тех вариантах, где встречается слово «искушение», оно обычно используется в другой конструкции и, соответственно, стоит в другой падежной форме).

(11.1) Сочинительный союз

Во всех вариантах кроме MUST данная клауза начинается с сочинительного союза. В AHLQ и HEIN это заимствованный из русского языка противительный союз *a*; В KUZN используется финский союз *mutta* 'но', не зафиксированный, однако, в водском языке. В PRO-A и PRO-R используется заимствованный из русского соединительный союз *i* (см. (4.5)), а в SURV слово *vaitōz* 'только, лишь' (записано как *vaitōz*), распространенное в основном в центральноводских говорах, см. VKS 1465.

(11.2) Оборот «избави нас от ...»

В MUST, AHLQ, HEIN и SURV использована форма императива 2 лица единственного числа от глагола *päässä*, имеющего два значения 'развязывать, распутывать, освобождать' и 'спасать' (VKS 1008). При этом в MUST эта форма записана как *pää(s)sä*, в AHLQ как *päässä*, а в HEIN и SURV как *pääsä*. Поскольку в парадигме этого глагола существует чередование ступеней, и в формах настоящего времени (соответственно, и в форме императива 2 лица единственного числа) используется слабоступенная основа, то появление геминаты в рассматриваемой форме не выглядит обоснованным. Заметим, что существует значительно более частотный глагол *pääsä* с значениями 'попадать, добираться, становиться' и 'развязываться, распутываться' (VKS 1008), и у носителей языка может происходить определенная путаница в формах этих глаголов (в частности, возможна гиперкоррекция в виде геминирования, поскольку в инфинитиве и некоторых других формах именно противопоставление геминаты *ss* и одиночного *s* отличает один глагол от другого). Конечный гласный в форме императива краткий, так что в HEIN мы должны были бы скорее ожидать запись *pääse*.

В MUST, AHLQ, HEIN и SURV объектом при рассматриваемом предикате является партитивная форма личного местоимения 1 лица множественного числа, см. (10.3). Не совсем понятно, почему в SURV эта форма записана без конечного гласного: полная апокопа встречается в западноводских говорах (прежде всего, в кракольском), но не ожидается в центральноводском диалекте. Заметим, что в предшествующей клаузе эта форма записана без апокопы гласного.

В KUZN используется конструкция *vōta vällää* состоящая из императива 2 лица единственного числа от глагола *vōttaa* 'брать' и наречия *vällää* 'вон, наружу': *vōta se kurja meissä vällää* 'возьми это зло из нас прочь'. Обратим внимание на внутриместный падеж у местоименной формы *meissä* 'из нас'. Хотя в конструкции 'брать у кого-то' обычно используется внешнеместный падеж (аблатив), здесь исполь-

зован внутриместный падеж (элатив), так же как в кривинском переводе.⁴⁰

Т. Ф. Прокопенко выбирает для перевода принципиально другую конструкцию: *õõ meije roolõz paganusõssã* [быть.IMP.2SG 1PL.GEN сторона.INE зло.ELA] 'будь на нашей стороне от зла'. Бытийный глагол тут употреблен в форме императива 2 лица единственного числа, которая совпадает с чистой основой. О посессивном местоимении см. комментарий (1.3). В PRO-A содержится точно такая же конструкция, но неправильно записанная и проинтерпретированная исследователем. Императив бытийного глагола записан как *õõ*, а не как *õõ*. Такая ошибка достаточно типична для русскоязычного человека, не имеющего достаточного опыта работы с теми прибалтийско-финскими языками, в которых есть *õ*:⁴¹ в отличие от русского гласного *i* (среднего ряда верхнего подъема) прибалтийско-финский *õ* относится к среднему ряду среднего подъема и недостаточно сильно отличается от переднего гласного среднего подъема *õõ* (так же непривычного для русского уха). В PRO-A это ошибочное *õõ* интерпретируется как «выражение отвращения (междометие)» (Агранат 2005 : 8). Такая звуко-символическая интерпретация не находит подтверждения: в частности, в VKS такое междометие отсутствует.

В PRO-V форма от слова «сторона» звучит с четкой геминатой в показателе падежа, что должно соответствовать форме элатива, а не инессива. Однако при такой форме остается непонятной ее семантическая интерпретация в данном контексте. Вполне возможно, что это оговорка: либо случайная, либо произошедшая под влиянием нижнелужского диалекта ижорского, где в показателе инессива имеет место варьирование одиночного согласного и геминаты.

(11.3) Слово «лукавый»

В исследуемых текстах мы наблюдаем три разные варианта перевода слова «лукавый» (в греческом оригинале *πονηρός* 'дьявол'). MUST, AHLQ, HEIN и SURV используют слово *paha*. Это слово, зафиксированное в различных водских диалектах, имеет несколько значений: 'плохой, бедный, скудный, убогий; плохое, неприятность', 'плохой, дурной, недобрый, злой; плохое, зло', 'дьявол, чёрт, бес; чертёнок, бесёнок; сверхъестественное существо, дух' и переносное 'мастак (до чего-либо)' (VKS 859—860). Конструкция «от лукавого» переводится элативом (*pahassa*), в HEIN отражена редукция гласного в показателе: *pahassõ*.

В варианте KUZN выбрано то же слово *kurja*, которое использовалось в предыдущей клаузе (см. (10.4)). Значения 'дьявол' в отличие от *paha* у него не зафиксировано. Будучи объектом в императивной конструкции, это слово выступает в форме номинатива. Перед существительным стоит анафорическое местоимение *se* 'этот, тот' (ср. с *se*, которое начинает данную клаузу в кривинском переводе).

Т. Ф. Прокопенко выбирает слово *pagamuz* с более ограниченной территорией распространения. Оно отмечено в деревнях Маттия, Пески

⁴⁰ Заметим, что *meissa* 'из нас' фигурирует как один из двух возможных вариантов в реконструкции (Wiedemann 1871 : 96), в то время как Винклер (Winkler 1997) и Эрнитс (Ernits 1997) останавливаются на втором варианте: *miussa* 'из меня'.

⁴¹ Насколько можно судить по фольклорным коллекциям, эта же ошибка встречается и у некоторых финских исследователей.

и Лужицы и имеет значения 'зло, злость, злоба' и ругательное 'поганец' (VKS 858). У этого слова тоже отсутствует значение 'дьявол'. Это слово стоит в форме элатива (*paganusõ-ssä*), однако в Агранат 2005 : 8 оно было неправильно записано и проинтерпретировано: его разделили на две части (*paganuse* и *ssä*), первая из которых (косвенная основа) была аннотирована как иллатив, а вторая (показатель элатива) как терминативный послелог. Остается непонятным, какая при этом подразумевалась исходная форма слова, а также, как в показателе терминатива мог появиться редуцированный гласный, если этот гласный не был исторически кратким. При любой интерпретации необоснованным оказывается *e*: в заднерядном слове этот гласный не может быть ни конечным гласным основы, ни гласным показателя иллатива, подчиняющегося сингармонизму.

Клауза 12 содержится только в вариантах MUST, AHLQ, HEIN и SURV.

(12.1) Союз со значением причины

Данная клауза вводится союзом. В MUST и SURV это союз *siittä* 'потому что, так как, ибо' (VKS 1137). В AHLQ и HEIN это слово *kui*, среди значений которого есть 'как, насколько, когда', однако чисто причинного значения (которое есть, например, у церковнославянского **какъ** или финского *sillä*) у этого слова не отмечено (VKS 494–495).

(12.2) «Царствие, сила и слава»

Для перевода каждого из трех существительных в MUST и AHLQ мы встречаем разные слова. Слово «царствие» уже было рассмотрено выше, см. (4.3).

Слово «сила» в MUST переведено как *vätši* (в записи О. А. Ф. Мустонена *väti*). Этот перевод выглядит несколько странным: по всей видимости, здесь была предпринята попытка образовать существительное от прилагательного *vätševä* 'сильный, крепкий' (заметим, что подобный дериват *vätševüs* 'сила, крепость' отмечен в словаре Tsvetkov 1995 : 413). Однако слово *vätši* существует со значением 'народ, люди, народность' (VKS 1568), но значения 'сила' у него не зафиксировано. В переводе AHLQ использовано слово *võima* 'сила, мощь', известное в разных водских диалектах (VKS 1552). В SURV для перевода выбрано слово *rato* со значением 'сила, мощь, прочность' (VKS 1029), отмеченное в нескольких деревнях из разных водских регионов.

«Слава» в MUST и SURV переведена словом *kunnia*. В VKS 510 это слово со значением 'честь, почет, уважение' отмечено в западноводских деревнях Лужицы и Краколье, а из центральноводских только в Маттия. В словаре Tsvetkov 1995 : 128 мы находим лишь вариант *kunni*, переведенный как 'слава, честь'. В AHLQ использовано русское заимствование *slaava* 'слава' (заметим, что VKS 1159 отмечает его только в Лужицах и в кракольских материалах Д. Цветкова).

В SURV к словам *rato* и *kunnia* присоединена эмфатическая частица *tši*: *ratoci*, *kunniaci*.

В HEIN используются те же лексемы, что и в AHLQ, только с редуцированным конечным гласным.

Для сочинения в этой конструкции используется тот же союз 'и', который в каждом варианте был отмечен ранее, см. (8.1) и (10.1).

(12.3) Наречие «вовеки»

В MUST используется транслатив от слова *itsä* 'век, возраст', который фактически означает 'навек'.

В AHLQ встречаем оборот *igää kōikee*, который, по всей видимости, является не совсем удачной попыткой калькирования финского инструктивного оборота *iän kaiken* 'вечно; бесконечно; всегда'⁴² (ср. также с композитным наречием *iänkaiken* 'вечно' (Вахрос, Щербаков 2007 : 145)). В слабой ступени водского слова *itsä* 'возраст, век' взрывной согласный отсутствует, то есть ожидаемой формой является *i(j)ää* (заметим, что в Ahlqvist 1856 : 98 мы встречаем оборот *ijää kōikee* 'всю жизнь, весь век' с правильно образованной формой данного слова). Калькирование финской конструкции и ошибка в ступени заставляют нас предположить, что данный перевод был сделан скорее человеком, выучившим водский язык, а не носителем языка. Кроме работ А. Альквиста нам неизвестны источники, где встречался бы вариант *kōikee* вместо ожидаемого *kōiköö*.

В HEIN использован оборот с теми же лексемами, но стоящими в форме номинатива: *itsä kōikki*. Использовался ли такой оборот с номинативными формами в водском языке, нам неизвестно.

В SURV 'вовеки' отсутствует.

(12.4) Принадлежность

Во всех четырех вариантах встречается генитивная форма личного местоимения 2 лица единственного числа, используемая как посессивная, см. (3.4).

В AHLQ и HEIN она непосредственно предшествует бытийному глаголу в 3 лице единственного числа настоящего времени, образуя конструкцию 'твое есть ...'. В MUST *sinu* стоит перед *tšäeza* — инессивом от слова 'рука', то есть тут конструкция выглядит как 'в твоих руках есть...'. В подобного рода конструкциях со словом «рука» в водском языке обычно используется именно единственное, а не множественное число. В SURV после генитивной формы личного местоимения следует номинатив посессивно-рефлексивного местоимения *ōta* с посессивным показателем 2 лица единственного числа (см. (1.2)): *ōmazi* (такого рода конструкции отмечаются в Ahlqvist 1856 : 48).

4. Выводы и обобщения

Рассмотренные варианты переводов могут быть кратко охарактеризованы следующим образом.

MUST: Хотя система записи в определенной степени ориентирована на финский язык (редукция гласных не отмечена), точно определить, с какого текста был сделан перевод, нам не удалось, что, вероятно, является свидетельством о высокой степени проработанности перевода, не содержащего очевидных калек. В отличие от AHLQ в этом переводе нет ярких черт, сближающих водский и финский переводы.

AHLQ: водский перевод сделан, скорее всего, с финского текста, поскольку содержит ряд схожих черт.

⁴² Мы очень признательны Энну Эрниту за то, что он обратил на это наше внимание.

HEIN: адаптация перевода ANHQ для песоцко-лужицкого говора, в которой были сохранены почти все лексические решения из ANHQ. В нескольких местах адаптация гласных по случайности не была сделана (*valta, saata, pääsä* вместо *valtõ, saatõ, pääse*). В одном месте было использовано решение из перевода PRO.

KUZN: перевод на центральноводский диалект использует различные источники, прежде всего, перевод на кривинский диалект водского языка. Формы местоимения 1 лица множественного числа и наречия *tänävä* отражают влияние современных западноводских говоров.

PRO: среди прочих данный перевод в наименьшей степени формален и в наибольшей степени соответствует системе приоритетов, постулированных в Nida, Taber 1969 : 14–15. В частности, в нем устный язык превалирует над письменным, меньше значения уделяется традиции, а более предпочтительными оказываются формы, используемые языковым сообществом (в частности, допускается переключение кодов), динамическая эквивалентность преобладает над формальной и т. д. С большой степенью уверенности можно утверждать, что источником для переводчика служил русский текст молитвы. Все три варианта имеют лишь небольшие различия, но в PRO-A наблюдается ряд неверных интерпретаций водского текста и случаи некорректной транскрипции.

Судя по всему, ни один из имеющихся водских переводов не был сделан с греческого оригинала.

Обращает на себя внимание финнизация всех переводов, созданных финскими исследователями: в MUST — это отсутствие редукции, в ANHQ — использование финской лексики и конструкций, в SURV — это использование финской лексики и даже грамматических показателей. При этом в единственном переводе, про который достоверно известно, что он абсолютно самостоятельно сделан носителем водского языка (PRO), мы наблюдаем русское влияние, но никак не финское.

Сопоставление рассмотренных вариантов является наглядной демонстрацией тех факторов, которые влияют на результирующий текст перевода. Перечислим основные из них:

- диалект, на который делается перевод (прежде всего это определяет фонетику, но также и используемую в переводе лексику);
- исходный текст, с которого делается перевод (например, форма *pühättü* в ANHQ обусловлена финским оригиналом);
- стандарты записи, существующие у переводчика (например, транскрипция, не отражающая редукцию в MUST);
- ошибки переводчика как в образовании форм, так и в подборе лексем (например, *taivõz* вместо *taivaz* 'небо.INE' и *paisõb* 'светится, сияет' вместо 'святится' в PRO-R);
- ошибки интерпретации записывающего (например, несуществующее междометие *õõ* вместо основы бытийного глагола *õõ* в PRO-A);
- решения в выборе переводного эквивалента, сделанные переводчиком.

Последний из этих факторов связан с различными приемами, используемыми переводчиком. В рассмотренных вариантах перевода мы наблюдаем следующие подходы для принятия решения при отсутствии очевидного переводного эквивалента:

- использование продуктивного словообразования (например, *tahtomuz* 'воля' в PRO-R);

- калькирование с других (родственных) языков (например, *vēlgaliisile* 'должникам' в AHLQ);
- переключение кодов (например, *ot iskušeniä* в PRO-R);
- упрощение (например, *tõisiilõõ* 'другим' вместо 'должникам' в KUZN).

Проведенное в статье сопоставление различных вариантов перевода «Отче наш» на водский показывает, какими различными могут быть подходы и конкретные решения переводчиков. Ни один из переводов нельзя выделить как безоговорочно наиболее удачный: каждый из них имеет свои плюсы и минусы, нередко проявляющиеся лишь в контексте поставленной перед переводчиком задачи. Появление различных переводов следует считать позитивным фактором в контексте проблем ревитализации языка. Как отмечает А. Десницкий, «Одного перевода на один язык бывает мало — хотя бы уже потому, что любой перевод всегда что-то теряет и отражает чей-то субъективный и неполный взгляд на текст. Другой перевод (или другие переводы) ничуть не более объективны, но вместе они создают более объемную картину — разумеется, при условии, что все переводы выполнены на достаточно качественном уровне» (Десницкий 2015 : 264).

Addresses

Ekaterina Kuznetsova
Votic Cultural Association (Vadja Kultuuri Selts)
E-mail: rakkopilli@mail.ru

Mehmet Muslimov
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: mehmet@yandex.ru

Fedor Rozhanskiy
University of Tartu
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: handarey@yahoo.com

Благодарности. Мы выражаем глубокую признательность нашим коллегам, которые консультировали нас по различным вопросам и/или высказывали ценные критические замечания к тексту статьи: Маргарите Викторовне Живовой, Татьяне Олеговне Майской, Елене Борисовне Маркус, Хейнике Хейнсоо и Энну Эрнитсу.

Работа Ф. Рожанского проводилась при финансовой поддержке Тартуского университета, грант PHVEE18904.

Сокращения

Образцы 1870 — Образцы шрифтовъ типографіи и словолитни Императорской Академіи Наукъ, Санктпетербургъ 1870; **Murdekorpus 2021** — Eesti murrete ja sugulaskeelte andmebaas. <https://www.murre.ut.ee/mkweb/>; **VKS** — Vadja keele sõnaraamat. Vad'da tšeelee sõna-tširja. Словарь водского языка. Toimetanud Silja Grünberg, Tallinn 2013.

ALL — аллатив; ELA — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; INE — инессив; NOM — номинатив; PART — партитив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRTACT — активное причастие; PRTPASS — пассивное причастие; P1PL — посессивный показатель 1-го лица множественного числа; P2SG — посессивный показатель 2-го лица единственного числа; SG — единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

- Агранат Т. Б. 2005, Перевод Евангелия на водский язык. — Материалы XXXIV международной филологической конференции. Вып. 15. Уралистика. Часть 2, Санкт-Петербург, 6—10.
- Евангелие от Матфея в славянской традиции. Издание подготовили А. А. Алексеев, И. И. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е. И. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева, Санкт-Петербург 2005.
- Вахрос И., Щербак А. 2007, Большой финско-русский словарь, Москва.
- Десницкий А. С. 2015, Современный библейский перевод: теория и методология, Москва.
- Лаанест А. 1977, Контакты ижорского языка с соседними близкородственными языками. — СФУ XIII, 253—260.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2017, Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. 2-е издание, Санкт-Петербург.
- Муслимов М. З. 2005, Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербург.
- — 2019, Заметки о финском диалекте дер. Дубровка / Suokylä. — Лингвистика и другие важные вещи: памяти Александра Павловича Володина (1935—2017). Сборник статей, Санкт-Петербург, 256—288.
- Паллас П. С. 1787, Сравнительные словари всёхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣление первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть первая, Санктпетербургъ.
- Цыпанов Е. 2004, Способы передачи русских придаточных предложений времени в коми переводах Евангелия от Матфея. — LU XL, 188—196.
- Эрнитс Э. 2006, Об обозначении звуков в водском литературном языке — LU XLII, 1—9.
- Adler, E. 1968, Vadjalaste endisajast I. Idavadjja murdetekste, Tallinn.
- Ahlholm, M., Kuosmanen, A. 2019, Translating the Lord's Prayer into Finnish and the Komi Languages: A Construction Analytic View. — Подной язык (1), 146—198.
- Ahlqvist, A. 1856, Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning, Helsingfors (Acta Societatis Scientiarum Fennicae V: I).
- Ariste, P. 1960, Isuri keelenäiteid. — KKIU V, Tallinn, 7—68.
- — 1968, A Grammar of the Votic Language, Bloomington—The Hague (UAS 68).
- — 1974, Vadjalane kätkest kalmuni, Tallinn (Emakeele Seltsi Toimetised 10).
- — 1977, Vadja mustendeid, Tallinn (Emakeele Seltsi Toimetised 12).
- Arukask, M., Raudalainen, T. K., Västriik, E.-H., Lauri, M. 2004, ...ja päästa meid ära kurjast [Dokumentaalfilm], Tallinn: Eesti Televisioon.
- Badagarov, J., Natsagdorj, T., Janhunen, J. 2018, Mongolic Material. — The Fascination with Inner Eurasian Languages in the 17th Century. The Amsterdam Mayor Nicolaas Witsen and His Collection of 'Tartarian' Glossaries and Scripts, Amsterdam, 425—460.
- Barbera, M. 2012, A Short Etymological Glossary of the Votic Language, Bologna.
- Black, D. A. 2009, Learn to Read New Testament Greek, Nashville.
- Bloklan, R. 2018, The Lord's Prayer in Mari. — The Fascination with Inner Eurasian Languages in the 17th Century. The Amsterdam Mayor Nicolaas Witsen and His Collection of 'Tartarian' Glossaries and Scripts, Amsterdam, 305—317.
- de Graaf, T., Bergmann, M., Naarden, B. 2018, Yakut. — The Fascination with Inner Eurasian Languages in the 17th Century. The Amsterdam Mayor Nicolaas Witsen and His Collection of 'Tartarian' Glossaries and Scripts, Amsterdam, 375—384.
- [Dalton, H.] 1870, Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands, St. Petersburg.
- Ernits, E. 1997, Ein neuer Rekonstruktionsversuch der kreewinischen Sprache. — LU XXXIII, 181—192.
- — 1999, Hõimlane verejõe tagant: Saami muinaslood tootempõhjaõdrast. VI. — Mäetagused (9), 34—49.
- Heinsoo, H. 2015, Vad'da sõnakopittõja, Tartu—Helsinki.

- — 2016, Vad'da sõnakopittõja. Paratõttu tekstõ, Tartu.
- I n a b a, N. 2015, Suomen dativigenetiivin juuret vertailevan menetelmän valossa, Helsinki (MSFOu 272).
- K e t t u n e n, L. 1930, Vatjan kielen äännehistoria. Toinen, uusittu painos, Helsinki (SKST 185).
- — 1940, Suomen murteet III. A. Murrekartasto, Helsinki (SKST 188).
- K e t t u n e n, L., P o s t i L. 1932, Näytteitä vatjan kielestä, Helsinki (MSFOu LXIII).
- L e e s, A. 2015, Case Alternations in Five Finnic Languages. Estonian, Finnish, Karelian, Livonian and Veps, Leiden—Boston.
- M u s t o n e n, O. A. F. 1883, Muistoonpanoja Vatjan kielestä. — Vir., 144—188.
- N i d a, E. A., T a b e r, Ch. R. 1969, The Theory and Practice of Translation, Leiden.
- P e v n o v, A. 2018, Linguistic Interpretation of the Lord's Prayer in Evenki (Tungus). — The Fascination with Inner Eurasian Languages in the 17th Century. The Amsterdam Mayor Nicolaas Witsen and His Collection of 'Tartarian' Glossaries and Scripts, Amsterdam, 385—400.
- R o z h a n s k i y, F. 2015, The Length of Final Vowels with Respect to Case Syncretism in Luuditsa Votic. — LU LI, 100—133.
- R o z h a n s k i y, F., Z h i v l o v, M. 2019, Votic and Ingrian Core Lexicon in the Finnic Context: Swadesh Lists of Five Related Varieties. — LU LV (2), 81—108.
- S u r v o, A. 2017, Isä meidän. <https://www.facebook.com/VaddaTseeliVatjaaSanaPaivassa/posts/1352857161491383>.
- T e r v o n e n, H. 2009, Vatjalaiset ja inkeröiset heräämässä viime hetkellä. — Inkeriläisten viesti 1—2, 4—9.
- T s v e t k o v, D. 1995, Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto, Helsinki (LSFU XXV).
- — 2008, Vadja keele grammatika, Tallinn.
- Uusi suomalainen lukemisto. Kolmas painos. Sekä kymmenen runoa Kalevalasta suomalais-ruotsalaisine sanakirjoinen, Helsinki 1883.
- V u o r i s t o, A. 2021, Vatjan kieltä puhuvat vähissä — Elämme aikaa, jolloin jälleen yhden suomensukuisen kansan kieli vaikenee. — Forssan lehti 03. 04. 2021. https://www.forssanlehti.fi/mielipiteet/vatjan-kielta-puhuvat-vahissa-elamme-aikaa-jolloin-jalleen-yhden-suomensukuisen-kansan-kieli-vaikenee-1097667?fbclid=IwAR3Vl_jZWCf_5DcXVUnrPG7e0o1MSrqtTsOd_0fE95hc9K1ANrj1OXTA2DU.
- W i e d e m a n n, F. J. 1871, Über die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland, St.-Petersbourg (Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, VIIe série, Tome XVII, N 2).
- W i n k l e r, E. 1997, Krewinisch: zur Erschließung einer ausgestorbenen ostseefinnischen Sprachform, Wiesbaden (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 49).

JEKATERINA KUZNETSOVA (Narva), MEHMED MUSLIMOV (Peterburi),
FJODOR ROŽANSKI (Tartu—Peterburi)

MEIEISAPALVE VADJA TÕLKED: VARIATIIVSUSE LINGVISTILINE ANALÜÜS

Artiklis analüüsitakse Meieisapalve vadja tõlkeid. Need on tõlgitud eri ajaperioodidel ja erinevatesse vadja keele variantidesse. Üksikasjalikult on võrreldud foneetilisi, morfoloogilisi ja süntaktilisi tunnuseid tõlke kuues variandis ning käsitletud tõlkijate otsuseid. Erilist tähelepanu on pööratud konkreetse otsuse põhjendustele vadja murrete seisukohast. Töös on välja toodud tegurid, mis on sõnastuse valikut konkreetse tõlkevariandis mõjutanud. Peamised tegurid on järgmised: tõlke murdevariant, palve lähtetekst, tõlkija individuaalsed eelistused, tõlkimisel või transkribeerimisel tehtud vead ning tõlkija valitud strateegia neil juhtudel, kus ühene tõlkevaste puudub.